

18+

МАРИНА ИВАНОВА

РОМАН

СВЕТА
БЕЛОГО
НЕ ВИДНО

Марина Иванова

Света белого не видно. Роман

«Издательские решения»

Иванова М.

Света белого не видно. Роман / М. Иванова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-932354-5

Став жертвой землетрясения в Ленинакане, Катя (25) с тремя детьми и мужем бежит к подруге по институту в маленький провинциальный городок, надеясь на помощь. Но по приезду с нею начинают происходить несчастья одно за другим: муж-наркоман кончает жизнь самоубийством через повешение, оставив ее с кредитными долгами, бандитами. Чтобы выжить, Катя бежит в 90-х в Питер, занимается репетиторством, побеждает врага и узнает его истинное лицо, прибывая в шоке от того, кто это?

ISBN 978-5-44-932354-5

© Иванова М.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	16
Глава 5	23
Глава 6	31
Глава 7	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Света белого не видно

Роман

Марина Иванова

Корректор Александр Меньшиков

Иллюстратор Галина Коржавина

© Марина Иванова, 2018

© Галина Коржавина, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4493-2354-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

– Быстро детей собирай! Опять начинает трясти, – кричала Катя, молодая красивая шатенка с изумрудными глазами, которые от страха стали еще зеленее и больше. Она собирала наспех документы и высыпала из шкатулки золотые украшения. Молодая женщина, на вид которой было лет двадцать пять, быстро затянула шнурок на красном бархатном мешочке и дрожащей рукой сунула его в карман.

Дом снова тряхнуло. Катя немного подалась вперед, уцепившись за спинку дивана. Подбежала к пьяному мужу, выхватила из рук маленькую курточку годовалого ребенка. Полина лежала в кровати и плакала. Катя одной рукой подняла ее, второй схватила трехлетнюю Дашу и, прикрикнув на пятилетнюю Настю, сунула пакет с вещами ей в руки и торопливо подтолкнула к двери. На ходу подстегнула мужа, чтобы выбежал и спасался.

На улице стояло множество людей, у всех были встревоженные лица. Ужас на лицах пожилых людей, выдавших не одно землетрясение, пугал еще больше. Город Леникан был весь в огне и в дыму.

На глазах крыша дома судорожно дернулась и стала мягко оседать вместе с левой стеной вниз, оставляя после себя облако пыли. Балконы один за другим с грохотом догоняли друг друга, и всеобщий вой заглушал звуки разрушающегося дома.

– Настя, куда бежишь? – кричала Катя, догоняя дочь.

– Там папа! – жалобно причитала Настя, размазывая пыль по лицу.

– Стой! Он успел выйти. Смотри, возле ларька пивного стоит.

Пьяный муж, похоже, вообще не понимал, что происходит, потому что взгляд его был затуманен и он странным образом улыбался. Видно было, что он видит совершенно другую картинку. Казалось, он даже не слышит эти душераздирающие крики несчастных родственников, которые плакали навзрыд и причитали в голос на массовых захоронениях.

В доме напротив на балкон выбежала беременная сестра Кати, она крикнула ей, чтобы та ловила большой узел с зимними вещами – шубами, шапками.

– Катя, что нужно еще забрать? – спрашивала младшая сестра.

– Собери все документы, только быстрее, – крикнула Катя.

Люди бегали с узлами взад и вперед, собирали выброшенные вещи, бумага летала по улице белыми листьями, плавно лавируя между домами и зияющими дырами. Полуразрушенные дома были похожи на смерть, с выбитыми глазницами окон.

Гул, рев, грохот со свистом врезались в каждую клетку тела. И дрожь, непрекращающаяся дрожь страха, выбивала из тебя душу. Дети плакали навзрыд. Мамочки прижимали их к себе, незаметно вытирая слезы от безысходности.

Ты и стихия лицом к лицу. И все для тебя в этот момент не имеет значения. Ты понимаешь, что ты – никто, букашка, чем-то разозлившая природу, которая тебе решила отомстить. Во время землетрясения в зоне разрыва земной коры была высвобождена энергия, эквивалентная взрыву десяти атомных бомб. Волна, вызванная землетрясением, обошла Землю и была зарегистрирована научными лабораториями в Европе, Азии, Америке и Австралии.

Младшая сестра Кати выскочила на улицу, придерживая живот. Она была уже на последнем месяце беременности. Это был ее первенец. Катя с облегчением вздохнула. Вся семья с нетерпением ждала появления нового члена семьи. Но несчастье пришло внезапно, никого не предупреждая.

Бледная как полотно, она едва успела выскочить из подъезда, как послышался еще один толчок, и на ее голову с грохотом полетела огромная железная балка, оторвавшаяся от балкона. Дом пошатнулся, но остался стоять на месте. Он был построен позже и соответствовал всем сейсмическим нормам.

Но судьба распорядилась по-своему. Сестра Кати лежала с размозженной головой в луже крови, сердце еще работало. Но ее уже с ними не было. Душа стояла рядом и наблюдала за всем происходящим со стороны. В такой суматохе никто не обращал на сестру Кати внимания, все были заняты своим собственным спасением. О докторах, конечно, не могло быть и речи. Все убегали от разрушений. Катя подбежала к сестре, схватила ее, прижала к себе и зарыдала:

– Только не уходи, слышишь, не уходи!

Она увидела, что ребенок еще жив. Живот то поднимался, то опускался. Катя вскочила, схватила Полину на руки, крикнула Насте, чтоб увела Дашу к отцу, и побежала искать врача.

«Сделать хотя бы кесарево сечение и спасти ребенка», – думала Катя. Но врача найти не удалось, люди бежали в аэропорт. Там, где когда-то находилась больница, лежали руины. Все было разрушено. Город, вернее, все, что от него осталось, напоминал конец света.

Над младшей сестрой рыдал муж, он обнимал мертвую жену и поднимал глаза к небу, в надежде на чудо. Живот все еще поднимался вверх-вниз: это бился ребенок, его можно было спасти, жизнь была рассчитана на секунды.

– Врача! Найдите врача, – кричала Катя. – Кто видел врача? Где можно найти врача?

– Машины скорой помощи завалило. Они под руинами, – сказал подошедший Катин муж. – Уже ничего нельзя сделать. Она и ребенок умерли.

На улице стоял жуткий вопль. Рыдали громче всех мужчины, которые потеряли жен и детей в разрушенных домах. Они в эту минуту думали, что умерли вместе с ними.

Темным-темно было от пыли, солнца не видно из-за летающего пепла. Дома были в огне. Грохот, скрежет железа, вой, запах газа и крови, все перемешалось вокруг. Снующие люди кричали, плакали, торопили друг друга.

– Катя, быстрее хватай детей и беги к машине, – кричал муж. – Я договорился, самолет вылетает в Ставрополь через час. Поторопись, сестре и ребенку уже не поможешь. Спасай наших детей.

Катя схватила детей и побежала к машине. Люди потеснились, посадили Дашу на колени, Полину Катя держала на руках, Настя протиснулась в машину и бочком прижалась к маме.

Дети держались очень стойко, единственно – Полина показала на босую ножку, она потеряла где-то свой сапожок и переживала именно по этому поводу. Ей еще было непонятно, что происходит вокруг. Почему все плачут и откуда столько пыли? Но Даша с Настей вмиг стали взрослыми. Они молчали, не задавали лишних вопросов, потому что понимали, что произошло что-то ужасное.

«В результате землетрясения, по официальным данным, погибли 25 тысяч человек, 140 тысяч стали инвалидами, а 514 тысяч человек лишились крова. Землетрясение вывело из строя около 40% промышленного потенциала. Были разрушены или пришли в аварийное состояние общеобразовательные школы, детские сады. Из строя вышло 600 километров автодорог, 10 километров железнодорожных путей, 230 предприятий», – сообщали все средства массовой информации про землетрясение, которое произошло седьмого декабря тысяча девятьсот восемьдесят восьмого года.

– Мест нет, мы не можем посадить вас в самолет, – сухо произнес летчик. – Я ничего не могу для вас сделать.

– Пожалуйста, возьмите золото, – хватаясь за руки, умоляюще произнесла Катя, протягивая бархатный мешочек. – Спасите моих детишек, не оставляйте нас здесь, мы весим очень мало. Они еще совсем маленькие.

Летчик задумался, грустно оглядел Катю и детей, сунул золото в карман, быстро подтолкнул ее к трапу самолета и громко произнес для всех оставшихся:

– Следующий рейс будет через три часа. Крепитесь!

Глава 2

– Покупайте помидоры по хорошей цене! Подходите, покупайте, дешево! – кричали на рынке продавцы.

Катя шла между рядов и переживала о том, что у нее нет ни копейки. Дети просили есть. Катя пообещала купить им по пирожку.

«Хорошо хоть знакомые на время приютили. Теперь нужно найти работу и снять квартиру», – думала Катя.

Она несла на руках Полину, за подол ее платья цеплялась маленькая ручка Даши. Настя шла впереди, постоянно оглядываясь, чтобы не потерять маму.

На улице срывался южный снег, под ногами хлюпала мокрая грязь, перемешиваясь с листьями и мусором. Катя искала себе работу продавца. Но хозяева, видя маленьких детей, сразу ей отказывали. Им не нужны были проблемные работники. А дети это всегда болезни, недосыпы по ночам и непредсказуемый рабочий день.

– Катюша, ты не найдешь работу с детьми, – вздохнув, произнесла бывшая однокурсница и лучшая подруга Лера. – Тебя никто не возьмет. Я тебе советую начать торговать на себя. Пойди, купи небольшую партию товара, сделай на него наценку и продавай. Зачем тебе устраиваться работать на кого-то? Начинай свое дело, а там втянешься.

– Я не думаю, что у меня получится. Я очень боюсь, я даже не знаю, с чего начать.

– Не переживай, я тебя отвезу на оптовый рынок, ты посмотришь, что продается, возьмешь немного товара, и у тебя все получится.

На следующий день Катя вместе с подружкой и детьми поехала на оптовый рынок. Она выручила небольшую сумму – сняв с себя последнее золото и продав цепочку, серьги и два колечка. Конечно, этих денег было очень мало. Но у Кати не было другого выхода. Она пошла на этот шаг ради детей.

«Мне нужно их прокормить любым способом, – думала Катя. – Я не хуже и не лучше тех людей, которые стоят за прилавком. Я научусь торговать. Ведь у других получается, значит, получится и у меня».

Она прошла в подвальное помещение, отдающее сыростью и плесенью. Посмотрела по сторонам и ужаснулась оттого, что по складу бегали огромные крысы. Катя зажмурила глаза от страха. Она с детства боялась мышей. И ей даже стало немного дурно от того, что она видит. Но закричать она не могла себе позволить, ведь девочки могут испугаться. А им и так досталось за последнее время. «Даже не знаю, как мы все это пережили. Мне нужно поддерживать их и не бросаться в панику, легче всего засунуть голову, как страус, в песок. Да и еще эти противные пауки. Вон их сколько по стенам лазит. Я думала, что уже все мои страхи позади, что я так напугана горем от потерь, что меня уже ничего не выведет из равновесия. Но почему-то эти детские страхи так глубоко сидят, что взрослые страхи не могут их оттуда выдворить». Девочки смеялись над тем, как Полина от них пряталась, а Настя, как взрослая, отвлекала ее этим нелепым «ку-ку». Катя улыбнулась, посмотрела на девочек и обрадовалась тому, что они не увидели эту крысу, хозяйку помещения. Хотя та и не торопилась убежать. Она посмотрела на Катю даже с вызовом, немного высокомерно, и, виляя толстым задом, потянула свой длинный хвост. «Интересно, отчего здесь такие жирные крысы? – подумала Катя. – Наверное, где-то рядом находится склад с зерном. И отчего я такая неженка вдруг оказалась, что крысу испугалась. Вон, женщины работают здесь целый день, и ничего. А я приехала, взяла товар и уехала», – успокаивала себя Катя.

– Скажите, пожалуйста, что в основном берут оптовики? – спросила Катя у поставщицы. – Дело в том, что я пока новичок.

– Да вижу, что пришла к шапочному разбору, – засмеялась высокая женщина с грубым голосом. – В три часа ночи нужно приезжать, если хочешь что получше взять.

Она посмотрела на Катиных детей, на Леру и недовольно добавила: «И не нужно сюда всем табором приезжать. Могли бы вот эту кралю дома с детьми оставить».

– А что сразу краля, – завозмуцалась Лера. – Что, хорошим манерам не обучены? Вот правда, чем человек ниже, тем выше себя ставит.

– А кто это ниже? – захохотала раскатистым смехом женщина. – Лучший комплимент года. У меня рост два метра. А она мне – «ниже»!

– Кошмар! Мозгов, как у... – не успела произнести Лера, как поставщица грубо ее перебила:

– Как у кого? Кто бы говорил, курица...

– Девочки, давайте мне поможем. Ведь я первый раз за товаром приехала, – решила прекратить этот никчемный разговор Катя. – Ну, пожалуйста.

– Ладно, возьми на первый раз упаковку носочков, маечек, детских трусиков, тоже по упаковке. Вот эти недорогие и хлопчатобумажные. Люди на себя жалеют деньги тратить, а на детей – никогда. Хотя ваша краля с маникюром, та ни в жисть детям ничего не возьмет. Ну а если не продадите, то у вас есть кому носить, – подсказала ей громогласная женщина.

Лера высокомерно посмотрела на эту громилу с накачанными руками от тяжелых баулов и решила больше ее не затрагивать, а то ведь можно и нарваться на неприятности. Да и опускаться до уровня торгашей она не собиралась. Ведь не для того она училась в институте, чтобы по этим подвалам лазить. Это ж из-за Катки она здесь оказалась. Хотя Катка лучше же училась в этом же институте. Но судьба ее развернула в другую сторону. Вон как у нее получилось с этим землетрясением. Никто ж в этом не виноват. Оно могло где угодно произойти. Вон, в Михайловске тоже один раз так тряхнуло, что лампочка даже на потолке закачалась. Тогда Лера не на шутку испугалась. Так что подруге нужно помочь.

Катя набрала несколько упаковок трусиков, маечек, носочков, уложила в коробку, перевязала бечевкой и потянула все это домой. «Как хорошо, что Лера у меня есть. Хоть детей на себя взяла. Полину на руках несет. Настя за руку Дашу держит, ничего, справимся», – подумала Катя и улыбнулась.

Следующий день она простояла на рынке, опустив глаза. Она боялась даже смотреть на покупателей, не то что заговорить с ними. Катя, учительница английского языка, не представляла даже, как она будет продавать вещи. Но работы в городе не было. Очень много беженцев заполнили собой пространство маленького провинциального городка Михайловска. Местные жители со своим гонором отпугивали приезжих и удивлялись тем, что закрывали двери на засов, не пуская к себе соседей. Гостеприимством они точно не отличались. Скорее всего, пребывали в шоке от такого количества беженцев, пострадавших от войны и стихийных бедствий. Местные торгаши молча косились на Катю и ехидно улыбались.

Она, глядя на них, краснела, стеснялась, исподлобья косилась на покупателей, которые подходили к товару. В ней бушевали противоречивые чувства. «Я не справлюсь! Детей кормить нужно! А здесь живые деньги каждый день. Я не смогу. Что нужно делать? Смотри, как другие бойко торговлю ведут. Учись у них! – проносилось у нее в голове. – Работать не стыдно, стыдно у знакомых на шее сидеть и воровать стыдно, а работать – нет».

Но мысли мыслями, а дело делом. Как перебороть этот стыд, что ты – спекулянт. Слово-то какое противное – «спекулянт». Звучит почти как «тунеядец».

Краснея и пряча глаза от этих мыслей, Катя все время поправляла на раскладушке выложенные в ряд маечки, трусики, носочки. Как будто была недовольна тем, как они у нее расположены. Рядом с нею стояли кричащие продавцы, у них бойко шла торговля. Они посмеиваясь смотрели на Катю и не понимали, почему она ничего не продает. Катя виновато улыбалась им и разводила руками, показывая, что у нее ничего не получается.

Маленькие дети, закутанные в дубленки не с их плеча и подвязанные белыми пушистыми шалями, были похожи на рыночных старушек. Они бегали тут же, рядом, падали в сугробы, смеялись и кувыркались в снегу.

В этот год выпало очень много снега. Для этих мест не совсем были привычны снегопады. Люди не успевали отбрасывать снег от своих магазинов, и огромные снежные горы лежали на обочинах. Детям было радостно скатываться с этих залежей детского веселья. Они, раскрасневшиеся и счастливые, перекатывались то с одной горы снега, то с другой.

Катя успевала на них прикрикнуть, затем поворачивалась к покупателям, которые копошились в ее новом товаре, и опять начинала его укладывать. Не забывая счищать снег.

Конечно, перебороть свой стыд нужно было. Но откуда взять силы, когда привычный уклад жизни вдруг резко меняется. И ты уже не понимаешь, что происходит с тобой. Ты тоже себя не узнаешь. Как в одночасье поменял профессию и занимаешься тем, чем никогда раньше не занимался. И понимаешь, что самые счастливые годы были – годы учебы. Тебя готовили к будущей профессии. И ты, дипломированный специалист, идешь в школу, тебя пять лет готовили стать хорошим педагогом. И все разжевывали. И предоставляли тебе лингвистические кабинеты, и ты зубрил английские идиомы и понимал, что английский язык учиться не головой, а другим местом, которое нужно было прижать к стулу. Много нужно было знать наизусть, и Катя добросовестно грызла этот гранит науки. Все время, сколько себя помнила, она работала. Катя ведь почти не сидела в декретном отпуске. Она была востребованным специалистом. Ее уважали дети и родители. А с Полиной сидел ее муж. Ему нравилось быть дома. Он искал работу своей мечты. Это когда ничего не нужно делать, а за это получать большие деньги. Вот и теперь он остался в Ленинанкане после землетрясения и не очень торопился воссоединиться с семьей. Да и никаких вестей от него не было. Катя очень боялась, что он погиб в том страшном землетрясении. Он же такой отважный. Он мог броситься кого-нибудь спасать из знакомых и, может, уже лежит где-нибудь погребенный заживо. Катя рисовала картинки одну страшнее другой. За этими сумбурными мыслями пролетело время.

В этот день Катя ничего не продала. Она в отчаянии упала на кровать и зарыдала. Она ругала себя, что такая оказалась трусиха. Троих детей не побоялась рожать, а стоять за прилавком страшно ей стало. Что она за человек! А ведь никогда не была трусихой. Везде в передовиках! Кому помочь – неслась первая. Если драка, то никогда не пройдет мимо, остановится, ползет в самую гущу разнимать. Получит под глаз, но зато слабого защитит. Если пьяный сосед жену бьет, она закроет женщину собой, смело встанет между ними и на себя весь гнев примет. Ну почему же здесь спасовала?!

«Завтра же пойду, стану с гордо поднятой головой и ни одного покупателя не пропущу!» – твердо заявила Катя сама себе, всхлипнула и закрыла глаза.

Глава 3

– Покупайте! Недорого! – кричала Катя на весь рынок очень громко.

Перепуганные коллеги косились на нее и старались кричать еще громче.

– Мои хорошие, кто забыл купить носочки хлопчатобумажные, две пары по цене одной!

Налетайте! – придумывала на ходу рекламный сленг Катя.

Она так вошла во вкус, что к вечеру у нее ничего не осталось. Счастливая и довольная собой, Катя снова поехала на оптовый рынок, но теперь уже в три часа ночи. Благо сегодня у Леры выходной и она согласилась посидеть с детьми. Катя оставила немного денег на еду и поехала за новым товаром. С трудом притащила две огромных коробки в магазин, где арендовала угол для своего товара, и, засыпая на ходу, разложила товар на раскладушке на улице. Она в этот день выпила не одну огромную кружку кофе и торговала так, будто приехала из санатория, отдохнувшая и посвежевшая.

– Лерочка, а ты знаешь, у меня получилось. Я переборола свой страх, – делилась впечатлениями от прошедшего дня Катя. – И еще, ты знаешь, как мне повезло! Я нашла квартиру по очень дешевой цене, да еще в рассрочку. Соседку, помнишь, что возле меня стоит, баб Таню? Так вот она предложила рядом с рынком снять у нее хату. Я согласилась. Так что завтра мы переезжаем туда. Спасибо тебе большое, что приютила нас на время.

– Зачем торопилась? У меня места всем бы хватило, – сообщила Лера, передергивая плечиками. – Ты, как всегда, не хочешь никого обременять.

Катя обняла подругу, прижалась к ней и подумала: «Как Лера меня все-таки хорошо знает, сразу поняла, что я не хочу ее стеснять. Лера все-таки самая моя лучшая подруга!»

Но радость Катина сразу улетучилась, когда она увидела, какую хату ей придется снимать. Низкие потолки придавливали ее сверху. Окошки едва не цеплялись за землю, и низкий фундамент провоцировал ледяной пол, который покрывался инеем. На пол нельзя было встать босыми ногами: можно было примерзнуть. «Ну ничего, я из стареньких лоскутков свяжу коврики, как меня мама учила, крючком, – подумала Катя, – а разбогатеем – и ковер купим. Да печку буду посильнее топить».

Катя рано утром приезжала с оптового рынка, выскребала золу из печки, посыпала ею дорожки у бабы Тани во дворе. Топором настругивала сухих щепок, укладывала их поверх старой газеты и поджигала, затем высыпала мелкий порохообразный уголь и укладывала уже поленья помощнее. Иногда с рынка заскакивала домой, чтобы подбросить угля покрупнее и побольше, чтобы разогреть хату до прихода детей. Вокруг соседи смеялись над бабой Таней: «Ух и скряга эта старуха, везде стояли котлы с паровым отоплением. А у нее в этой хате до сих пор старая выложенная и побеленная печка. Да куча угольная в сарае лежит».

– А куда мне уголь девать? – возмущалась она. – Вот истопим весь, тогда и проведу енту паровню у хату. А сейчас ничё, работа у ней рядом, управится.

Ночами Катя вязала из длинных разорванных лоскутков ненужного тряпья новый красивый пестрый ковер. Баба Таня щедро отдала ей все мешки с поношенными дырявыми вещами, которые лежали у нее на чердаке. Настя с Дашей с удовольствием разорвали все эти вещи на маленькие полоски. И теперь Катя быстро орудовала крючком, ряд за рядом увеличивая в объеме красивые яркие коврики. Главное, чтобы детям было тепло. Да и вообще, крыша над головой своя, это уже радует. Пусть временное убежище, но зато свое.

Девчонки бесились на соседней двуспальной кровати. Они залазили в пододеяльник и прятались там, как в домике. Им было очень жарко от постоянного перемещения из пододеяльника в пододеяльник.

– Хватит беситься, вы лучше бы книжечку почитали, – советовала им Катя.

– Ма, там картинок нет, скучная она! – возражала драчунья Даша.

Старшая Настя пыталась вытащить годовалую Полину, запутавшуюся в пододеяльнике, и смеялась над самой маленькой и неуклюжей сестренкой.

– Ну все, успокаиваемся и ложимся спать! – строго сказала Катя и подошла к девочкам.

Она уложила их по старшинству: с краю – Настю, в середину залезла и растолкала всех Даша, а Полину Катя положила возле стеночки.

И красиво затянула очень нежную песню – колыбельную:

Спи, дитя мое, усни!
Сладкий сон к себе мани.
В няньки я тебе взяла
Ветер, солнце и орла.
Улетел орел домой,
Солнце скрылось под водой,
Ветер после трех ночей
Мчится к матери своей.

Ветер действительно завывал во все щели в расшатанную раму окна. И в такт Катиной песне подпевал свою, присвистывая и убаюкивая.

Дети потихоньку засопели, они всегда под эту мамину песню успокаивались и улыбались своим красивым снам. А Катя потихоньку встала с кровати, снова села за коврики, укололась, посмотрела на поднимающиеся от окна шторы, оглядела комнату и заплакала.

На следующий день Катя на рынке выкрикивала те же самые фразы, старалась придумать что-нибудь пооригинальнее. Но у нее ничего не получалось. Язык сам, не задумываясь, повторял заученную фразу, ту, после которой у нее покупали носочки, трусики, маечки...

Девочки, как всегда, игрались рядом, бросали друг в друга снежки и смеялись.

На улице падал крупными лохмотьями снег. Катя накрыла весь товар целлофановым прозрачным полотном и застывшими руками счищала с него снег, продолжая выкрикивать одни и те же фразы. Руки покраснели от холода, не хотели слушаться, пальцы предательски не разгибались, когда она из-под целлофанового покрытия доставала нужный размер носочков и считала деньги, переминаясь с ноги на ногу. Катя от холода прыгала то на одной ноге, то на другой, чтобы хоть немного согреться. Когда соседи предлагали глотнуть, как они говорили, пятьдесят граммов фронтых, Катя благодарила, но отказывалась. Ее организм не принимал спиртное ни в каком виде.

– Мама, смотри, папа идет! – кричали дети, увидев очередного мужчину, идущего по рынку.

Катя уже привыкла, что дети постоянно ждут папу, и не оглянулась на их крики.

Неожиданно сзади кто-то дотронулся до плеча, Катя оглянулась и увидела своего мужа, Сергея. Высокого стройного мужчину, гиперактивного и веселого. Сергей быстрой пружинистой походкой, как на шарнирах, неслышно подходил и всегда любил всех пугать. Вот и в этот раз он стукнул Катю по одному плечу, а сам стоял с другой стороны и весело смеялся, радуясь, что разыграл жену, когда она повернулась в другую сторону. Катя бросилась ему на шею и заплакала. Он обнял ее и сказал, что теперь все будет хорошо.

Но она даже не думала, насколько ей будет «хорошо», потому что ее мужа как подменили, когда он приехал жить в Михайловск. Его стали окружать странного вида люди. Большинство из них вызывающе себя вели. Входили в их съемный дом без стука, открывая дверь ногой. Вели себя развязно: крутили перед лицом Кати пистолетами и автоматами, показывая свою ничтожную значимость бандитов девяностых годов.

Однажды Катя пришла с рынка и увидела в руках младшей дочери гранату вместо игрушки. У нее перехватило дыхание, сразу перед глазами появилась ее умершая сестра с раз-

мозженной головой после землетрясения. Катя представила, как вся эта хата взрывной волной накроет всех ее детей. Она медленно подошла к Полине, аккуратно вытащила из маленькой детской ладошки сотообразную железяку, которая могла весь дом превратить в руины, и быстро спрятала ее в коробку с товаром. Она как раз принесла товар для оформления ценников.

Катя работала на рынке допоздна. Вечером, возвращаясь с работы, показала эту болванку своей подруге Лере. Они вместе ее рассмотрели, поняли, что это всего лишь жестянка, и закопали ее возле речки под названием Чла.

Почему этот маленький ручеек назывался речкой, никто не знал. Но речка была такой же противной, как и название. Катя попросила Леру забрать детей из детского сада. Наконец-то им, по статусу беженцев, предоставили в детском саду место. И Катя вздохнула с облегчением. Она мысленно поблагодарила государство, что оно хотя бы таким образом заботится о пострадавших после землетрясения.

Вечером Кате нужно было принять новый товар, пересчитать оставшийся, подбить выручку и сдать деньги оптовикам, которые уже давно работали с Катей. Они доверяли ей и старались давать ей побольше товара, даже совали лишнюю партию в долг. Катя была благодарна им за оказанное доверие.

Со временем Катя торговлю развернула. Вместо одного лоточка она арендовала контейнер. После работы в спешном порядке нужно было сложить снова непроданные маечки, трусики, носочки в тяжеленные ящики, поднять которые к концу рабочего дня уже не было никаких сил. Но помощи ждать было неоткуда. Муж дома не появлялся, и Кате все нужно было делать самой. Благо надежная подруга Лера рядом.

Лера училась с Катей в одном институте, в пятигорском инязе. Они вместе влюбились, страдали, жили в одной комнате общежития и были – «не разлей вода». Познакомились они, когда еще были абитуриентками. Катя очень хорошо помнила тот день. За нею увязался один старшекурсник. Он привык, что все девушки по нему сохнут. До такой степени он был красив. Черные смоляные волосы, зачесанные назад, белоснежный костюм и карие глаза. Он проходу не давал Кате. И она вынуждена была от него прятаться под кроватью в общежитии. И вот Лера, как истинная подруга, решила помочь ей и даже пыталась соблазнить этого молодого человека, чтобы у Кати был компромат против него. Они хотели, чтобы Катя навсегда смогла отвязаться от его навязчивых ухаживаний. Катя лежала под кроватью, все тело затекло. Она не могла пошевелиться. Как всегда в таких случаях бывает, все начинает чесаться, хочется кашлянуть или чихнуть. Катя уже не могла не шевелиться в своем укрытии. А Лера как всегда принялась заигрывать с этим молодым человеком, чтобы он быстрее ушел. Но, конечно, вместе с нею. А этот тип оказался еще тем крепким орешком. Он не реагировал никак на Лерины выкрутасы.

– Так, быстро сказала, когда твоя подруга придет? – грубо спросил навязчивый ухажер.

– Она уехала домой, – кокетливо произнесла Лера. – А я ведь намного симпатичней, зачем тебе она, когда я есть.

– Дура ты, Лерка, на таких, как ты, не женятся, таких в любовницы берут. А замуж берут таких, как Катька, – сообщил он, сверля ее карими глазами. Это был будущий Катин муж, Сергей. Он все-таки добился своего, несмотря на то, что в тот вечер не дождался Катю. Сергей попил чай с Лерой и, хлопнув зло дверью, ушел.

А потом все время вспоминал Кате тот вечер, ревновал и спрашивал ее постоянно, где она в тот вечер находилась. Катя с Лерой пытались ему объяснить, что Катя от него пряталась под кроватью, но он не верил. И Лера так злилась из-за этого на него. Она вообще ненавидела Сергея со страшной силой и считала его уродом, недостойным ее подруги.

А Катя все время удивлялась, почему он тогда сказал, что на Лерке никто не женится. Она ведь такая умница и красавица, и куда мужики только смотрят?

Лера – высокая худощавая девушка с прямыми черными волосами, была похожа больше на итальянку, нежели на русскую девушку. У нее был принцип: не подпускать к себе парня, который был ниже ее статуса. Она оглядывала очередного ухажера, смотрела на подарки, которые тот дарил, и прощалась быстрее, чем знакомилась. Она была уверена в том, что заслуживает богатую, обеспеченную жизнь и никогда не пойдет по стопам своих родителей. Отец у Леры был пастухом, мать – домработницей. Но Лера была уверена, что она княжеских кровей.

Вот и сегодня, подбежав к Кате на рынке, Лера с круглыми глазами на эмоциях рассказывала ей о своем очередном ухажере:

– Катька, я вчера познакомилась с одним грузином. Ничего так, симпатичный, но он, похоже, на самом деле – князь. Такой весь манерный, а пальчики на руках длинные и нежные, как у хирурга.

– А где ты его пальчики проверяла? – спросила, смеясь, Катя, укладывая очередную коробку на верстак.

– Ну что у меня глаза на заднице, что ли? Он меня так нежно под руку взял и спрашивает: «Как ваша фамилия?» А я ему говорю, что фамилия у меня царская, Уздечкина я. От слова «узы», то есть корни.

Катя смеялась и соглашалась, что фамилия у нее действительно «царская». Ведь у царей же были уздечки для коней. Лера фыркала и говорила, что она чувствует свою благородную голубую кровь и обязательно разужнает свою родословную.

Лера всегда помогала Кате, когда та ее просила. Она была для нее настоящей единственной подругой. Катя только с нею делилась своими секретами и счастлива была, что Лера у нее есть.

Лера продолжала перебирать своих кавалеров и надеялась найти принца королевских кровей. А глядя на Катю, и вовсе не хотела себе никакого мужа. Она видела, как Катин наркоман устраивал вечерние разборки, бросался на Катю с кулаками, искаженное злостью лицо брызгало слюной в разные стороны, когда требовало денег на очередную дозу, и уходило, как только получало требуемое.

– Лучше бы ты до сих пор сидела под той кроватью и не вылезала, – не уставала повторять Лера. – Надо же, так вляпалась в это замужество с Сергеем.

Катя вечером падала от усталости и не чувствовала под собою ног. Но, приняв душ, шла к плите и готовила еду на следующий день. Укладывала детей спать, на ходу засыпая под сказку о Лубяной избушке, и просыпалась оттого, что старшая дочь поднимала ей веки и говорила, смеясь, что зайчик забыл, что нужно было дальше делать с этой наглой лисицей.

Под утро приходил, как ни странно, трезвый муж, от которого никогда не разило спиртным, но красные навывкате глаза выдавали в нем давнего наркомана со стажем. Он бессмысленно обводил глазами уютный чистый дом и громко рычал, как раненый зверь, призывая жену приступить к своим женским обязанностям восточной жены.

Скрежет зубов и нечеловеческое рычание могли напугать маленьких детей, которые души не чаяли в папе, потому что он покупал им шоколадки и выполнял любые их прихоти. По выходным он даже водил их в парк на карусели, сыпал деньгами налево и направо, потому что имел свой нелегальный бизнес по производству спиртных напитков, но Кате никогда не купил ни единого цветочка.

Он говорил, что деньги нужны только женщинам легкого поведения, так как они продажные, а жена должна во всем слушаться мужа и без определенной оплаты. От него всегда несло дорогими женскими духами, которые, Катя не сомневалась, покупал своим любовницам ее родной муж.

Он не хотел ничего слышать о том, что Кате тяжело быть соломенной вдовой. Она никогда и никому не рассказывала о своей тяжелой жизни замужней дамы. Что такое телевизор или театр, она давно не имела никакого представления. Единственное, что ей позволялось, – это

работать. Муж еще даже сомневался, не лишние ли для нее пять часов сна, которые выпадали на ее нелегкую долю?

– Катя, тебе нужно расширяться. Хватит на этом мини-рынке сидеть. Давай перебирайся на Центральный рынок. Там магазин есть хороший, жена мэра сдает его в аренду. Бери его. Хватит тебе с этими трусами и маечками продолжать работать, – советовала ей Лера. – Иначе ты так совсем согнешься. А там все-таки магазин. Не нужно каждый день раскладываться, складываться.

– Ты знаешь, я и сама про это думала. Все говорят, что на Центральном рынке продажи лучше.

– Тебе нужно ехать за товаром в Москву, – советовала ей Лера. – Ты же понимаешь, что там товар дешевле, чем у этой твоей громилы из вонючего подвала.

– Лера, ты же знаешь, что у меня всю жизнь с математикой было плохо. Меня в Москве быстро раскусят и обманут. Сама знаешь: большой город, большие проблемы. Да и денег у меня мало.

– А ты возьми кредит. Тебе уже дадут, вот увидишь. Ты же уже предприниматель, а это звучит гордо, – смеялась Лера.

– Да как-то боязно. Вдруг не отдам?

– Ты что?! Вот увидишь, у тебя торговля попрут! Нужно рисковать, езжай в Москву.

– Хорошо, я поеду за товаром в Москву, я даже решила, чем я буду торговать в магазине, – согласилась Катя. – Я хочу женской одеждой и сумками торговать. Назову магазин – «Красотка». Хорошее название, правда?

– Да под стать тебе! Красотка! – засмеялась Лера.

Глава 4

Путешествие в холодном автобусе в феврале месяце было не самым приятным событием в жизни Кати, но ей было не привыкать к трудностям. И, закупив на все кредитные деньги по своему вкусу красивые платья, а к ним в той же цветовой гамме кожаные сумки, кошельки, ремни, Катя, довольная собой и своей новой работой, легла на втором этаже автобуса на свое место и проспала почти всю дорогу до дома. Рук и ног она не чувствовала, потому что с непривычки таскала эти сумки, перевязав их носовым платком и перебросив их через плечо. Плечи болели ужасно, синяки от тяжелых сумок потом долго еще не проходили. Посмотрев, что все люди возят сумки на маленьких таких тележках на колесиках, Катя приобрела и себе такую же.

Долго путалась в резинке, которая должна была держать эти сумки, два раза сломала колесики, едва починила эту китайскую игрушку и все время оглядывалась по сторонам, потому что ей везде казалось, что за нею незримо наблюдает ее муж Сергей. Перед глазами всплывало, как он хватается ее за горло и просит у нее денег на новую дозу. Как хорошо, что она все деньги прятала у Леры дома. Иначе бы у нее вообще ничего не осталось. Сергей в последнее время стал просто невыносим. Он срывался беспочвенно в приступы ревности, в каждом мужчине, глянувшем на Катю, видел ее любовника. А сам продолжал шляться и приползать под утро, издавая женские ароматы стойких французских духов.

А когда он узнал, что она собралась ехать в Москву за товаром, он вообще озверел. Сергей ей устроил такую дикую сцену! Он хватал ее вещи, смотрел, что она с собой берет, в чем поедет, и вообще просто издевался над нею. Он грозился, что вылетит следом за Катей на самолете и будет контролировать каждый ее шаг. Он хвастался, что у него в Москве есть свои кореша, которые сообщат ему, чем она там занимается. Катя с таким трудом уговорила его, что нужно расширять бизнес, что она нечасто будет ездить в Москву. Но его ничего не могло успокоить. Успокоился он только после того, как она пообещала выделить ему некую сумму от полученного кредита, и только тогда он ее отпустил.

Во сне в автобусе Катя то и дело ворочалась и стонала. Ей снился сон, что она рабыня где-то на Востоке и везет неподъемную тачку. Катя, запряженная в нее вместо лошади, тянет эту повозку, а на ней сидят Сергей в костюме и галстуке и трое ее маленьких детей: Настя, Даша и Полина.

«Ради детей я должна выдержать эту жизнь, – говорила Катя во сне, – ради детей. Я хочу, чтобы у них все было хорошо».

– Просыпайся, красавица, – толкнула ее соседка по автобусу. – Я все смотрю на тебя и вижу, что ты первый раз за товаром едешь. Но ты же, по-моему, с нашего рынка? Я тебя там видела, – сказала Валентина Матвеевна.

– Да, с вашего, только я впервые за товаром еду.

– А в аренду ты, по-моему, у жены нашего бывшего мэра магазин взяла, да?

– Да, – ответила Катя и заулыбалась.

– Вот эта мэрша, Машка Тулина, такая барыня, говорят. Он ее сделал редакторшей какой-то газеты, а она такая белоручка. А противная какая, ужас, – продолжала знакомство Валентина Матвеевна. – Вот с наше бы поработала?! Тогда бы поняла, что такое торговля!

Валентина Матвеевна имела вид большого начальника из районной администрации. Но, как выяснилось позже, она начальником раньше и была. И работала у бывшего мэра, жену которого она ругала. Отсюда такая «любовь» к его семье.

Катя улыбнулась, услышав «глас народа», и подумала: «Вот истину папа сказал: „Все любят разгадывать других, но никто не любит быть разгаданным“. Так хочется тоже побыть белоручкой и ничего не делать. И как хорошо, что меня обсуждать некому. Я человек маленький, подневольный. Может быть, эта мэрша вовсе и не плохой человек, но зависть людская

заставляет ненавидеть друг друга, злиться на удачи близких и радоваться поражениям знакомых. И почему люди в Михайловске такие озлобленные на жизнь? Мне кажется, я нигде больше злей людей не видела. Ну ничего, я буду другой, я буду доброй, я всем буду улыбаться. Ведь грубость такая заразная штука. Попробую ею не заразиться. Почему люди такие двуличные: в глаза улыбаются, а за глаза кроют друг друга почему свет стоит? Неужели им от этого легче? Отчего это происходит? Кажется, все люди вокруг сыты, одеты, не очень сильно болеют. Но сами себя этой злостью разрушают. Для чего? Неужели их всех так часто обманывали, что они никому не верят? Неужели их часто бросали, что они становятся ревнивыми? Неужели их часто обижали, почему люди становятся злыми? Ведь не рождается ребенок сразу злым? Он такой милый, беззащитный, такой ласковый. А потом, когда проходит вот та самая грань, – между добром и злом? Ну ничего, я попробую изменить мир вокруг себя. У меня будет самый красивый магазин, и я буду самым добрым продавцом. Начну с себя. Попробую разгадать себя сама!»

Магазин и впрямь выглядел прилично. Катя всю ночь развешивала сумки в аккуратные ряды. Торгового оборудования не было, поэтому, натянув железную сетку и прикрутив ее саморезами к стене, она сидела и делала крючки из проволоки. Сумки были развешаны по цветам до самого потолка. Магазин казался профессиональным, по европейским стандартам. Только одну боковую стену занимали сумки. А перед нею Катя поставила столы-витрины, на которых разложила кошельки, ремни и украшения. И сделала себе ресепшен.

Основное торговое оборудование в магазине осталось от бывших хозяев, Катя его выкупила и развешивала на нем платья по размерам, начиная от тридцать восьмого до шестидесятого. Красотки ведь тоже разными бывают: и толстенькие, и худенькие, и высокие, и маленькие. В углу была дверь в подсобку. Там тоже было уютно – стояли диванчик и столик для обеденного перерыва.

– Завтра должны привезти рекламную вывеску, – сказала Лера, забежая в магазин. – И можно уже начинать работать. Классная у тебя получилась «Красотка»! Я даже не ожидала.

– Лера, а вдруг у меня не получится? – испуганно спросила Катя. – Смотри, какой объем продаж.

– У тебя – и не получится?! Ты это брось! Языком болтать и убалтывать да расхваливать ты всегда умела. Справилась же с этими – «трусиками, маечками». А здесь теток нарядить да сумку подобрать в тон платья – проще простого. Только не забывай деньги собирать за товар. А то я тебя знаю, начнешь дарить всем направо и налево красивые платья, как в институте нам все отдавала.

– Да, я люблю дарить подарки! – сказала Катя весело. – Ты знаешь, даже больше люблю дарить, чем самой их принимать.

Катя поежилась, переступила с ноги на ногу и заметила:

– А здесь, между прочим, холоднее, чем на улице, нужно завтра валенки купить.

– Да пол же бетонный. Ну и магазин! Из одного железа сделан! Посмотри, каркас у него железобетонный. Вот тебе и мэр, не мог подороже магазин построить жене? – возмушалась Лера.

– Ничего, я потом заработаю денег, куплю потолочные обогреватели. Я уже такие себе присмотрела на опторге.

– Вот еще работать не начала, а уже одни затраты на уме. Ты еще не знаешь, когда кредит этот погасишь и будет ли вообще толк с этой торговли, – запротестовала Лера.

– Ты же сама мне сказала, чтобы я кредит брала и расширялась.

– Правильно, что сказала. Все ж живая копеечка. А то нам зарплату в школе не платят, мы еле концы с концами сводим. Может, чуть легче станет, место в школе освободится, и пойдешь учительницей за гроши работать, ты это хочешь от меня услышать?

– Нет. Я справлюсь. Просто страшновато, новый товар ведь. С ассортиментом таким я еще не работала. Да и посоветовать взрослым женщинам смогу ли?

– Сможешь, конечно. Дамы они, конечно, в Михайловске капризные. Но ничего, хвали их побольше, восхищайся их фигурами. Вот и все, что нужно им для счастья. И все-таки хорошо, что ты перешла работать на Центральный рынок. Здесь проходимость лучше, да и от ветра закрыта, так что не ной! Я чувствую, что ты сможешь заработать здесь хорошие деньги!

На следующее утро, в свой первый рабочий день Катя, счастливая, приехала на рынок. В этот день выпало столько снега, что за всю историю юга столько никогда не выпадало. Дверь в магазин замело почти наполовину. Катя в ужасе смотрела на этот кошмар и думала: «А как я теперь попаду в помещение и буду работать?»

У всех людей были совковые лопаты, и каждый расчищал снег возле своего магазина. Все прокапывали свою личную дорожку.

– Извините, пожалуйста, – обратилась Катя к хозяину соседнего магазина. – Вы не одолжите мне лопату?

– Нет, они дают лопату под личную роспись, – ответил с усмешкой сосед напротив.

– А где выдают?

– Ты что, первый раз на рынке? – спросил высокий мужчина, проходивший мимо. – Первый раз, и в такую погоду выперлась? – громко захохотал он. – Иди в контору, вон туда, к директору рынка, Ирине Васильевне, она и выдаст.

– Сисяс плинису, опата уна, да? – спросил подошедший мужчина лет сорока, подозрительного вида и не умеющий совсем говорить.

– Васек, отведи гражданку к начальнику, – сказал высокий мужчина, обращаясь к странному человеку.

Этот странный человек вообще очень плохо говорил. Глаза были умные, а говорил что-то несвязное, словно ребенок. Сначала Катя посмотрела на странного мужчину и увидела, что на рынке он самый добрый. Он подбегал и всем помогал. Кому сумку поднести, кому лопату, кому воду.

– Да ты его не бойся! – толкая Катю в плечо, сказала та самая попутчица из автобуса, что жену мэра ругала. – Катюха, он дурачок местный, но незлобивый и очень услужливый. Все сделает, что его попросишь, а за это ему кто рубль, кто десять дает, и он все деньги собирает, а потом покупает что-нибудь на них вкусненькое и несет маме своей. Он не пьет и не курит. Только в развитии остановился. Вот спроси у него, сколько ему лет? – предложила Валентина Матвеевна, – и тут же задала вопрос сама.

– Вася, а сколько тебе лет? – спросила она у странного Васька.

– Осемь, – сказал мужчина сорока лет.

– Вот видишь, восемь лет, говорит. Ему уже лет пятьдесят, как восемь лет, – смеясь, сказала Валентина Матвеевна. – А это, говорят, у него оттого развитие умственное прекратилось, что у него на глазах поезд отца переехал. Вот он на этой почве и свихнулся. И ходит теперь дурачком по рынку.

– Ну не знаю, – сказала Катя. – Может, он на самом деле и есть нормальный, а мы все – дурачки. Тут же не знаешь, как вообще нормальный должен себя вести. А Вася, какой молодец, – маму кормит, всем помогает, не пьет, не курит, любит всех. Может, и правда он и есть тот самый нормальный, – философски заметила Катя. – А мы все непонятно что: злые вон все, каждый за себя, лопату под роспись. А вот такие, как Вася, и есть «святые»! Они ведь ближе всех к Богу, и не зря их «убогими» называют. «У Бога» они. Вот смотрите, лопату несет, ему что, тоже под роспись дали? – засмеялась Катя, весело показывая в сторону Васи.

– Нет, он никогда не врет, и ему полностью доверяют. Деньги в кассе лежат полным-полно. Ему ящик открывают и говорят: посторожи. И что ты думаешь? Копеечки никогда не взял. А лопату – если взял, значит, вернет. В целости и сохранности. Смотрите, Катя, он тебе

дорожку к магазину чистит, видно, ты ему понравилась, – сказала бывшая начальница Валентина Матвеевна.

– Он мне тоже нравится, – ответила Катя, улыбаясь, и пошла за лопатой под роспись.

Вдвоем с новым другом Катя быстро расчистила не только дорожку к магазину, но и всю площадку рядом. Зайдя в магазин, Катя дала новому другу пятьдесят рублей, Вася аккуратно положил деньги к себе в торговую сумочку и спросил, как ее звать.

Катя все понимала, что он говорит, и ей легко было с ним общаться. А ему было странно, что его сразу понимают и не переспрашивают по несколько раз.

– Вася, сейчас я сбегая куплю чайник и к чаю что-нибудь. И мы с тобой отметим открытие магазина, хорошо? – спросила Катя. – Постой, пожалуйста, здесь, я быстро, – добавила она. – Вася, а что ты любишь? Что купить? – поинтересовалась она у нового друга.

– Оньчики гусенка.

– Поняла, поняла, – пончики со сгущенкой. Окей, я мигом, – сказала Катя и выбежала из магазина.

В первый день Катя даже продала одну сумку и платье. Очень удивилась, что выручка была в десять раз больше, чем за носочки и маечки. Катя счастливая поехала домой. Она сама выбирала все эти сумки, и они ей действительно нравились. И она с такой любовью предлагала их покупателям, что они не могли отказаться от новой вещи. Катя всегда знала, что вещи очень хорошо впитывают энергетику настроения. Если люди ругаются, то вещи обязательно возьмут все на себя. А потом мы удивляемся, как это от человека сыплются искры злости. Так это же его одежда впитала зло. Это неоспоримый факт. И поэтому в один магазин хочется заходить, а из другого – выскочить, едва переступив порог. Покупатели в магазине у Кати задерживались надолго. И почти всегда выходили с покупкой. Но в этот первый день на новом месте она так разволновалась, что, когда брала деньги у покупателя, почему-то спросила:

– Извините, а сколько я вам должна сдачи дать?

Покупательница удивленно посмотрела на Катю и произнесла сумму.

– Спасибо большое, а то я боюсь, вдруг неправильно дам сдачу. Деньги ведь большие.

– Ну тогда вы не на своем месте! – жестко ответила посетительница магазина.

– Это точно, что не на своем, – улыбаясь покупательнице, сказала Катя. – А кто его знает, где наше место вообще? – И услужливо добавила: С удачным приобретением! Приходите еще, будем всегда рады вас видеть!

– Спасибо, – медленно и тоже улыбаясь сказала посетительница, растаяв. – Обязательно зайду. Мне нравится, как вы обслуживаете. Приятно иметь дело с такими продавцами, а то все грубят вокруг, как будто я им что-то должна. Но вы сдержались, когда я вам нагрубила, и цепной реакции не произошло. А другой продавец меня в соседнем магазине сейчас так оскорбила, что я точно знаю, что больше туда не пойду. Чем человек ниже, тем выше себя ставит, как говорит Лерка, это парадокс!

– Да нет, просто они не понимают, что мы, продавцы, работаем в сфере обслуживания. Мы – слуги! И в этом нет ничего унижительного. Мы должны вас обслужить, посоветовать. Ведь шопинг – это тоже своего рода лечение. Это терапия и спасение от стресса. Мы, продавцы, на данный момент еще и психотерапевты, – добавила Катя мягко.

– Вот были бы все продавцы такими, и жизнь была бы лучше. А то устанешь в школе, придешь на рынок, тебя оскорбят, что жить не хочется. Вам бы в школу. Вы прям похожи на учительницу! Видно сразу, что жизнь у вас была легкой. Вы такая добрая женщина, на жизнь не озлобленная, как мы все. Мне и впрямь полегчало, – сказала первая покупательница Катиного магазина «Красотка».

Но Катя знала точно, что и не последняя, ведь с нею был Вася – Ангел-Хранитель рынка! А то, что она учительница, Катя решила не говорить.

Новые знакомые появились у Кати на рынке сразу. Товар потихоньку убавлялся. Нужно было ехать за новым товаром. Валентина Матвеевна посоветовала Кате съездить с нею в город Пятигорск на оптовый рынок, раз муж устраивает такие припадки ревности. Все же ближе, чем в Москву. Катя стала ездить на маршрутке вместе с другими предпринимателями в Пятигорск. Они ездили ночью, а к утру уже были в магазине. Потихоньку Катя втянулась в работу и уже легко справлялась с таким большим ассортиментом. Мужу денег за поездки в Пятигорск не давала. Говорила, если не верит, может ездить с нею за товаром тоже. А Лера обещала присмотреть за детьми. Но Сергей находил массу дел, только бы не ездить с нею в Пятигорск.

Деньги, как всегда, заканчивались быстрее, чем зарабатывались. На оптовом рынке Катю встречали с распростертыми объятиями: всегда давали в долг товара и на триста тысяч, и на пятьсот. Товар продавался не всегда, так как этого хотелось. А долги нужно было отдавать вовремя.

– Катюха, вези деньги, нам нужно лететь в Турцию, – звонили ребята с оптового рынка.

«Господи, где же взять денег? Нужно занимать срочно, хоть под проценты, – думала Катя. – Нельзя подводить людей, нужно выходить из положения».

Новые друзья Кати с рынка, Александр и Нина, одноклассники Леры, пришли на рынок давно. Начинали когда-то с лотка, потом скупили все магазины в округе и были очень даже дружелюбные и веселые ребята. Они полюбили Катю и всегда по-соседски приходили к ней в магазин попить кофе. Катя очень их уважала, потому что ребята от лотка и до хозяев магазинов всего достигли в этой жизни сами. Да к тому же Лерины одноклассники – это все равно что ее.

– Катюха, ты почему такая грустная? – спросил как всегда весело и непринужденно Александр.

– Ты знаешь, я только что отправила долг в Пятигорск, а мне нужно срочно отправить еще триста тысяч новым оптовикам за товар в Португалию. Я нашла своих однокурсников, вернее, Лера нашла наших однокурсников за границей. Сегодня пришел товар, и мне нужны срочно деньги, им отдать. Они завтра улетают домой. А у меня их нет.

– Я понял. Не переживай, я тебе помогу. У нас есть один знакомый, он дает деньги под маленькие проценты. Я его попрошу, он тебе даст.

– Ой, спасибо большое, Саша, я никогда не забуду, что ты меня выручил. Мне нужно где-то на три месяца. Я буду проценты вовремя отдавать, а через три месяца подсобираю денег и отдам всю сумму.

– Лады, – сказал Александр и через полчаса принес деньги.

– Как хорошо, что есть такие друзья, которые могут выручить! – сказала Катя, обнимая нового друга.

– Да о чем ты, Катя?! Мы всегда друг друга выручаем, не переживай. Только я тебе посоветую: гони ты этого дурачка Васю от себя. Из-за него у тебя все покупатели разбегаются. Поверь мне, вон Лерка его матом постоянно гоняет. Мы прямо ее приветствуем за это.

– Спасибо, Саша, за помощь. Но я, наверное, денег не возьму. Я сама что-нибудь придумаю, – сказала Катя, протягивая Александру деньги обратно.

– Да ты че? Из-за этого дурака, что ли, обиделась? Ты это зря. Я, например, им брезгую. Он же не человек, а так, полчеловека.

– Саша, прекрати его обзывать. Он ведь ни в чем не виноват, что ты – нормальный, а он – «святой», – сказала Катя, смотря прямо в глаза Александру.

– Кто святой?! Наш Васек? Ты что, какой он святой?

– Саша, а знаешь, почему даже цари убогих держали у себя в доме? Потому что они ближе всех к Богу были. У Бога они, понял? И от скольких бед людей спасали все эти святые, в которых камнями тогда бросали благочестивые граждане, а теперь ездят и на коленях стоят перед их мощами и просят у них то, от чего те в свое время отказывались.

– Ну ладно, может, ты и права, – сказал Александр. – Я, в общем-то, не против всех этих дурачков. Просто мне Лерка всю плешь проела, что он опасен и что с рынка его нужно убирать.

– Да Лера просто боится с такими общаться. Она у нас благородных кровей девушка.

– Кто, Лерка? Да брось ты. В школе она была дура-дурой. Мать у нее в жизни нигде не работала. Отец – пастух. Откуда у нее благородная кровь?

– Нет, Саша, ты не прав. И пастух может быть очень интеллигентным человеком и благородных кровей.

– Катька, ты, сразу видно, из породистых будешь. Кожа бархатная, а главное – это щиколотка и запястья. Я передачу смотрел. Вот если они тонкие, значит, порода есть, – загоготал Александр. – Вот видишь, у тебя они тонкие. А у Лерки – широкие. Одно слово, Уздечкина она. Ладно, вон моя жинка бежит, уже ревнует. Вот тебе триста тысяч, и я побежал. Смотри, через три месяца отдашь. Проценты платить будешь вовремя, а Васю не буду трогать, обещаю.

Прошла неделя, Катя забежала в магазин к Александру и Нине и сказала:

– Привет, ребята, как ваши дела? Вы что, поссорились? Почему такие грустные?

– Да, поссорились. Вчера приходила к нам Лерка, мы так дружно посидели, выпили. Пьет она, конечно, как лошадь, да и здоровая она. А потом как-то сами не поняли, как стали драться. Саша как накинулся на меня и говорит: «Ты когда рот закроешь? Ну и что из того, что я выручил Катю и денег ей занял у соседа?», а Лерка говорит: «Молодцы, что выручили. Но у нее же кредит еще один есть. Боюсь, что она не отдаст долг». У тебя что, правда еще кредит есть?

– Саша, Лера правду сказала, у меня есть кредит. Но я все подсчитала, я справляюсь. Лера просто не понимает, как мы здесь все друг друга выручаем. Ты же сам говорил – на три месяца. Я насобираю за три месяца и отдам, не переживай. Просто очень хороший товар пришел из Португалии. Спасибо Лере, что нашла наших однокурсников там. Я ребятам поменяла эти триста тысяч на евро и отдала. Спасибо им большое! Такого товара точно нет ни у кого. Знаешь, как у меня торговля сейчас хорошо идет! Я не люблю, когда у всех одно и то же продается. Люди не должны ходить, как детдомовские, правильно?

На следующий день после их разговора пришел Александр в Катин магазин и сказал:

– Человек, который одолжил тебе денег под проценты, просит срочно их отдать, и проценты тоже. Он сказал, чтобы ты все отдала сегодня.

– Саша, ну мы же договаривались на три месяца? – напомнила Катя.

Она всем видом держалась спокойно и не хотела показывать, как ей плохо на душе от такого предательства. Мысль, одна только мысль была сильной болью в висок: «Где брать деньги?»

– Хорошо, Саша, я найду деньги и сегодня же верну их тебе. Только одна просьба: не говори Сергею, не расстраивай его.

Александр дружил с Катиним мужем, и они часто ездили с ним в баню по выходным. Как они говорили – попить пивка!

Катя смотрела вслед уходящему Александру, который вышагивал уверенной и счастливой походкой. Она, закрыв магазин изнутри, упала на прилавок и зарыдала так, будто кто умер. Она и не догадывалась, что будет еще «контрольный выстрел» в голову!

Раздался телефонный звонок, и злой голос Сергея заорал в трубку:

– Ты что наделала? Зачем ты денег взяла у Санька? Он мне позвонил и сказал, что ты не хочешь возвращать деньги. Я за себя не ручаюсь, я тебя убью! – орал Сергей. – Быстро отдала ему деньги!

Катя ничего не могла произнести и только рыдала в трубку. Она заливалась слезами не оттого, что муж накричал, она плакала оттого, что ее окружают очень подлые люди.

В дверь магазина постучали, Катя еле подошла к двери, открыла, перед нею стояла рас-терянная Лера: она заметила, что Катя плачет и бросилась утешать ее.

– Не переживай, я нашла деньги. Сергей так орал на всю улицу, что тебя убьет, что я даже в школе услышала. Правда, я нашла только под очень большие проценты, больше ни у кого нет. Это Лидка, наша однокурсница, занимается этим бизнесом. Сейчас она тебе их принесет. И ты отдай этим сволочам сейчас же. Я больше никогда к ним в гости не буду ходить. И ты чтобы забыла дорогу к ним, поняла? Они мне еще в школе не нравились. И зачем я тебя с ними познакомила? Ты меня прости.

Катя отдала все деньги и с радостью забыла, что у нее когда-то были такие знакомые. В жизни человеку даны друзья для того, чтобы он понял, насколько он плох или хорош сам. Катя все время думала, что она не прошла испытание друзьями, которые дружили только в одни ворота. В свои собственные.

Глава 5

Катя похудела, ее шатало на ветру, когда она разговаривала со своими покупателями. Кредиты душили ее. Да и деньги под проценты вытаскивали из нее всю душу. Казалось, что люди из-за жалости покупали у нее товар, очень было заметно, что она вообще недоедает, потому что она еле держалась на ногах, до такой степени был изношен ее организм. Только незнакомые восхищались ее фигурой и завидовали ей, что она, мать троих детей, так смогла сбереечь свое тело, они интересовались диетой и физическими упражнениями, которые она делала.

– Вы не должны спать, есть, а должны только работать, – шутила Катя.

– Работать?!

– Да, это очень хорошая диета, и главное, с наименьшими вложениями. Работать, и всё.

– Конечно, вам хорошо, вы можете целыми днями на ногах быть, кланяться покупателям и бесплатно худеть.

– А мы не только кланяемся, но еще и прыгаем перед всеми, уговариваем примерить, чуть ли не на себя надеваем новую коллекцию, чтобы показать, какая она красивая и необычная, – смеялась Катя.

– Да, Катенька, счастливая вы, что от работы только худеете и хорошеете. Вон и магазин назвали под стать себе – «Красотка».

На Центральном рынке на самом деле самым лучшим магазином считался Катин магазин «Красотка», который стоял на углу и перед собой имел выносную рекламную стойку, на которой также лежали маечки, трусики, носочки. Катя продавала еще тот товар, который у нее остался с прежнего рынка. В подсобном помещении аккуратно стояли коробки на настилах по всему периметру. А в углу стоял маленький розовый диванчик в форме губок «Гуччи» и столик для чаепития.

Магазин Катин процветал, так как у нее был очень хороший вкус, и новые коллекции расходились быстрее, чем она успевала завозить. Португальские друзья находили товар по выгодной для нее цене, и за ним выстраивалась очередь. Катя уже наработала свою клиентскую базу и профессионально работала с женщинами разных возрастов.

– Вам действительно с такой фигурой любая коллекция будет подходить. А на наши тела хоть что натяни – хоть «Гуччи», «Кристиан Диор» или «Шанель», – то будет русский стиль – «баба на чайнике», – отвечали покупатели.

– Не каждая женщина умеет носить платье. Но вы умеете. Вы в нем просто леди, – улыбалась Катя, советуя очередную модель.

Катя всегда была очень внимательна ко всем людям. Ее любили все коллеги и покупатели. Она со всеми держалась ровно и достойно, никогда не грубила. Улыбалась всем и всех любила искренне и от души. Она никогда никому не показывала, что ей очень тяжело, что в семье у нее не все гладко. Катя понимала, что другим еще труднее и что никому не нужны ее проблемы. Она давно привыкла рассчитывать на свои силы и не хотела никого обременять. Всех тащила на своих хрупких плечах.

Девочки росли здоровенькими, всегда чисто были одеты, накормлены и продолжали любить папу, который приносил им шоколадки. Катя не учиняла мужу разборки при детях. Она вообще старалась оградить всех от своих неприятностей, понимая, что ее проблемы касаются только ее и не должны огорчать окружающих. И надеялась только на себя. Поэтому экономила на всем, чтобы дети ее ни в чем не нуждались.

Ночью, приготовив обед на следующий день, она заклеивала окна, разрезая старые выброшенные газеты на полоски и смазывая их разведенным клейстером из муки.

За окном бушевала южная вьюга, та самая, которая пробиралась своим жгучим холодом к самому сердцу. Холод своими ледяными шупальцами заходил со спины и охватывал все жизненные органы, сдавливая душу так, что нечем было дышать.

Прошел всего один год ее проживания в городе Михайловске. Ровно год, когда она вязала на пол коврики, которые так и остались лежать на полу. На ковры Катя еще денег не заработала. Все деньги у нее были вложены в товар. Катя посмотрела на колышущиеся как всегда шторы и заплакала.

Именно в их городе были странные ветры. Или оттого, что они находились на Ставропольской возвышенности, или оттого, что местные лесополосы не удерживали ветрюганы, или оттого, что опылялись от злых местных людей. Ветры не просто завывали угрожающе, а еще и присвистывали, когда пробирались через теплые одежды и щели в домах.

Дети спали, укутанные теплыми одеялами и подогреваемые резиновыми теплыми грелками. Катя спасала их, как могла, от холодной заплесневелой комнаты, которую она все так же снимала. Шторы предательски поднимались и плавно опускались, остужая еле теплые батареи. Стихия угнетающе давила страхом завьюженной ночи, которая угрожала своим воем в унисон вою соседских собак.

Неожиданный резкий стук в стекло заставил Катю подпрыгнуть, она вытерла слезы, выглянула в окно, но никого не увидела, подбежала к двери и тихо, чтобы не разбудить детей, спросила: «Кто там?»

– Открывай! Иначе мы сейчас всю твою голубятню разнесем, – угрожающе закричали за дверью.

Катя открыла дверь и спокойно попросила, чтобы непрошеные гости объяснили ей, в чем дело. Но они оттолкнули ее и наставили свои автоматы ей в лицо.

– Где твой муженек? – спросили они зло.

– Я думала, он ваш друг, и вы знаете лучше, где он.

– Он нас кинул на бабки. Мы такого не прощаем, так что выгребай все, что на своем сраном рынке заработала. Иначе мы твоих девочек порешим.

И они, толкнув дверь ногой, зашли в комнату, где спали дети. Катя подбежала к ним и умоляюще стала просить их выйти из детской.

– Я вам отдам все свои сбережения, которые я на товар копила. Забирайте и уходите.

– А золото где?

– Какое золото?

– Которое вы с собой из Армении привезли?

– Так мы его летчикам отдали, когда убегали после землетрясения.

– Что ты пургу несешь? Твой муженек сказал, что ты с нами за его дозу расплатишься золотом, которого у вас полно.

Катя удивленно на них посмотрела. У нее от возмущения кровь прильнула к лицу. Она стала красной, и капельки пота выступили на скулах, которые ходили от злости мелкой дрожью.

– Еще чего надумали, чтобы я за эту отраву, которая ему жизнь сокращает, денег вам давала? Теперь пошли вон отсюда и забудьте сюда дорогу, тоже мне, наркودилеры нашлись! Я и выручку вам не отдам теперь. Я думала, что он у вас денег занимал, – закричала Катя. – А нас можете вместе с детьми порешать. Мне такая жизнь не нужна больше, дебилы.

– Что ты сказала? – заорал взбешенный бандит.

– Что слышал, дебил, – повторила Катя и неожиданно выхватила у открывшего рот наркодилера автомат и направила в его сторону.

Она в этот момент своей решимостью могла напугать кого угодно. Из маленькой хрупкой девушки она превратилась в сверкающую молниями злоую ведьму, которая была готова убить любого, кто встанет между нею и детьми.

И было очень заметно, что она ни перед чем не остановится, потому что ей больше терять было нечего. Она устала бояться жить. Последние неприятности до такой степени изменили ее, что вынести тяжесть этих испытаний без нервного срыва было просто невозможно. Катя вся покрылась кровавыми пятнами бешенства. Вид вызывал страх. Она сверлила глазами свою жертву и громко приказывала, стиснув зубы:

– Быстро встал к стене и дружка своего захватил! – она наводила автомат то на одного, то на другого бандита и зло допрашивала: – Жить хотите? Тогда бегите отсюда, я за себя не отвечаю, сначала вас порешу, затем своих детей, а потом себя и мужа. Но я вам жизни не дам, твари. Сколько можно мое терпение испытывать!

Кровь предков взыграла и дала о себе знать.

– Вы слышали о моем отце? Кличка Цыган у него была. Да, да, по ужасу на ваших лицах вижу, что наслышаны о нем. Правильно, тот самый, который всех своих подельников уложил зараз, потому что ему не понравилось, как один из них на него посмотрел. Так вот, я его дочка и от него далеко не ушла. Ляжете у меня здесь, сволочи. Еще раз к моему дому близко подойдете, клянусь памятью отца, отомщу, весь ваш род вырежу. Не я, так есть кому за меня отомстить.

И сказав все это, Катя толкнула в спину того, у которого был второй автомат, и, потянув за ремень, приказала:

– Бросай автомат на пол. Сейчас прошью очередью обоих.

Второй из бандитов опустил автомат с плеча, положил на пол и оттолкнул ногой в ее сторону, видно, по привычке. Они видели, что женщина была не в себе, и поэтому распрощаться с жизнью как-то не входило в их планы сегодня ночью. Они вдруг из наглых высокомерных типов превратились в мягких пушистых котов, которые мурлыкали то, что она хотела слышать. Они отпросились у нее, как у школьной учительницы, пообещали больше никогда не беспокоить.

Но Катя, показав на дверь, сквозь зубы произнесла: «И только попробуйте вернуться за оружием. Я вас точно порешу. А если со мною что-нибудь случится, подельники отца найдут вас из-под земли. Сегодня же маляву чиркну».

И Катя показала им кольцо, которое у нее было надето на пальце.

Отец Кати в свое время был смотрящим города Ростова. Катя тогда не догадывалась, чем занимался папаша. Но то, что их семья очень хорошо жила, она не могла не видеть. Но ведь все же работали. Как можно плохо жить? Отец много лет отсидел в тюрьме, потому что был политическим заключенным. Он любил слушать голос Америки в те самые времена, когда это преследовалось законом. Его, простого радиолюбителя, лучшего выпускника Политехнического института, в один прекрасный момент взяли за этим занятием. Отец Кати отсидел свои положенные десять лет. А после вышел «авторитетом». Его короновали еще на зоне.

Мама в это время окончила горно-перерабатывающий институт в Москве. Нарботала, как она говорила, связи. С самим президентом под руку ходила. Так как владела всеми каменоломнями Ростовской области. Весь уголь был в ее распоряжении. Она сидела на «черном золоте». В какой момент эти два сильных человека повстречались, никто не знал. Но любовь вспыхнула у них сразу. Две очаровательных девочки родились в этой семье.

Катя была старшей помощницей мамы и любимицей отца. Она свою жизнь всегда делила на две жизни. Когда папа был жив и когда он умер. Цыган водил дочь в рестораны, одевал в самые лучшие наряды. Купил иномарку – самой первой девочке города Ростова. Да и просто души не чаял в своем творении. Катя очень была похожа на него. Она была не только его любящей дочерью, но и верным другом. Он делился только с нею своими мыслями, иногда жаловался на маму, иногда воспитывал в ней пацана, иногда философствовал, иногда искал поддержку, когда властная мама начинала беспредел в их семье.

Кого Цыган действительно боялся, так это свою жену, которую любил до беспамятства. Он не то чтобы любил ее, а больше даже уважал за то, что в этой жизни она всегда достигала той цели, которую перед собой ставила. Она большую часть своей жизни проводила на работе. Политический деятель как-никак. А Цыган все свободное время проводил с детьми. Хотя младшая тоже пошла в маму больше. Она лидерствовала в школе и целыми днями пропадала на общественных мероприятиях, которые тешили ее самолюбие.

А Катя больше любила читать. Она захлеб перечитывала всю их огромную библиотеку. Много рассуждала о психологии людей и спорила с папой насчет того, что люди рождаются уже готовыми холериками, сангвиниками, экстравертами, интровертами и никакая среда не влияет на внутреннее устройство человека. А папа смеялся и опровергал ее теорию примерами из жизни своих близких, кого уже успели испортить деньги либо их отсутствие. Он смеялся над Катей и говорил: «Все любят разгадывать других, но никто не любит быть разгаданным».

В тот день все было как обычно, но если бы она знала, что произойдет! Она смогла бы защитить его.

– Катюха, сегодня едем с тобой на меховой рынок, – говорил ей отец. – Хочу тебе в честь поступления в институт купить норковую шубку. – Иняз – дело, сама понимаешь, дипломатическое. И ты должна быть королевой.

– Па, да не нужно, у меня и так все есть, – отмахивалась Катя.

– Что у тебя есть? Каждая девушка или женщина должна иметь норковую шубку.

– Да мне еще рано! В них одни бабки ходят, – противилась Катя.

– Дочка, меня не станет, а шуба у тебя будет. Да не одна. Я тебе сегодня куплю их три.

Катя смеялась, махала рукой в сторону папы, но сдавалась, обнимала его и думала: «Интересно, как он мне будет их выбирать, все три одного фасона или нет? Ну ладно, пусть покупает. Я их подарю подружкам. Вот они обрадуются. Я же всегда им все отдаю».

Отец купил, как и обещал, три норковых шубки. Белую с капюшоном, расклешенную, едва прикрывающую колени, Катя сразу одобрила. Она в ней была как снегурочка. А каждой девушке хочется быть снегурочкой и принцессой обязательно. Голубую норку папа взял ей в пол. Шуба была действительно царская: с красивым высоким воротником-стоечкой, застегнутым сбоку большой пуговицей-«сваровски». Это шуба была сшита, как и все остальные, из цельных шкур. Подпушек был плотный, и сразу видно, что качество меха соответствует всем стандартам. А коричневую норковую шубку папа взял по фасону напоминающую курточку: с отстегивающимися рукавами, чтобы удобно было ездить за рулем.

«Ой, какие они разные и какие красивые, я в них во всех по-разному хорошо смотрюсь, что-то мне жалко их дарить подружкам, – думала Катя, – ой, я забыла, они ведь толще меня обе. Значит, им будут малы мои шубки», – обрадовалась она, вспомнив, что подружки были высокими и толстыми девами.

Катя несла огромный красивый пакет с двумя шубами, а третья шоколадная норка-курточка уже была надета на ней. Фирменный красивый пакет был в три раза больше нее. Катя гордо держала папу под руку, то и дело прижималась к нему и так была благодарна небесам, что он у нее такой щедрый.

«Вот сейчас мама нагоняй нам устроит, и будет на папу кричать, как всегда», – вдруг подумала Катя.

– Не бойся, доченька, мы с тобой от мамы отобьемся! – прочел ее мысли отец. Он знал все, о чем Катя думает. С ним было так спокойно рядом и никогда не страшно. «Как могли они такого человека доброго и светлого посадить в тюрьму? – думала Катя, глядя на красивого высокого чернявого отца. – Он такой беспомощный становится, когда мама сердится. Надо же, они столько лет вместе, а он до сих пор ее любит. Я тоже такую любовь хочу. Вот именно такую».

– Доченька, зайди в кафе-мороженое, закажи себе что-нибудь. А я сейчас подойду, – сказал отец и сел в подъехавшую машину с затонированными окнами. Это была машина мэра города. Катя очень хорошо ее знала. Мэр частым гостем был в их доме. Семья мэра и семья Кати дружили, все праздники проводили вместе всегда.

«Интересно, куда дядя Рома его повез, – подумала Катя, – и почему меня не взяли с собой?»

Катя заказала свое любимое мороженое с клубникой, политое сливками. Затем еще недолго посидела, тревожно поглядывая на дверь, в ожидании любимого отца. Вдруг рядом повеяло холодом, будто кто холодной рукой по щеке провел.

«Папа, что ж тебя так долго нет?» – забеспокоилась Катя.

И вдруг к кафе подъехала мама. Она быстрой летящей походкой поднялась по ступенькам, сердито посмотрела на Катю и, присаживаясь к ней за столик, быстро произнесла:

– Катя, отец позвонил, сказал, чтобы я тебя забрала. Он на даче у дяди Ромы. Они какой-то серьезный вопрос обсуждают.

Мама быстро расплатилась, заглянула в пакет, состроила недовольную гримасу.

– Балует он тебя, трудно тебе будет мужа найти! Запомни, таких мужчин больше не бывает! Ох, как высоко он задрал планку, о тебе хотя бы подумал! – ворчала мама. – Где ты себе такого мужа найдешь, чтобы три норковых шубы одновременно купил.

Домой приехали, как всегда, в половине седьмого вечера. Они всегда собирались семьей на ужин к этому времени. Но собака подозрительно металась из стороны в сторону и так страшно завывала, что мама быстро схватила пакет с шубами, забежала на крыльцо, прикрикнула на собаку. Но та не обращала внимания на маму, а смотрела куда-то поверх нее и жалобно скулила.

– Катя, отвяжи Мухтара, что ему нужно! Не нравится мне, что он воет, будто умер кто.

Катя подошла погладить собаку. Но та оцетинилась и смотрела теперь уже поверх Кати, зло оскалившись, выставя белые клыки, на того, кто стоял сзади. Катя оглянулась, но никого не увидела.

– Мухтарушка, что с тобою? – только и успела спросить она, как собака рванула цепь и едва не схватила Катю за норковую шубу.

– Ма, он не дается! Он меня чуть не укусил, – не успела произнести Катя, как в калитку сильно загромыхали.

Из дома вышла бледная мама, видно было, что она идет на ватных ногах встречать плохую весть.

Дальше все было как во сне. Мама запричитала и крикнула Кате, чтобы та села за руль, так как она уже выпила коньяку. Катя схватила документы, и они с мамой уже неслись на дачу к мэру.

Когда они подъехали ко двору, тот был оцеплен полицией. Во двор никого не пускали.

– Мама, что случилось? – испуганно спросила Катя. – Почему ты плачешь?

Но мама качалась из стороны в сторону, схватившись за голову, и завывала, как Мухтар, но ничего не говорила. Катя видела, как мама бросалась на полицейского и пыталась забежать в дом, но ее не пускали. Тогда Катя вспомнила про тот лаз, через который они с сыном дяди Ромы постоянно попадали на их огород ночью, ведь там росла крупная черешня, от которой их всегда днем отгоняли. Катя рванула в этот лаз. Она поняла, что произошло что-то очень страшное. И что мама неспроста ничего ей не говорит.

«Мне во что бы то ни стало нужно попасть в дом! – подумала Катя. – Не пойму, откуда у меня ощущение, будто опять что-то холодное берет за руку и ведет в дом».

Катя не мешкая отодвинула в сторону плохо прикрученный профиль на заборе и быстро побежала к дому со стороны сада. Полиции там не было. Откуда-то взялась снова эта мысль: ей просто необходимо попасть в дом.

Катя взяла камень, который валялся почему-то под окном. Это был массивный булыжник, которым часто они разбивали орехи. Катя сняла шубу, обернула ею руку с камнем – и со всей силы стукнула по стеклу. Окно фонтаном высыпалось к ногам Кати. Она быстро залезла в дом – и увидела отца. Он лежал на диване, свесив руку, будто спал. Катя подбежала к нему и увидела, что кожа на руках у него содрана до кости, видно, что его пытали. Катин взгляд упал на ноги: они были обуглившись, черные и сгоревшие. Катя ничего не понимала, она осторожно толкнула папу в плечо.

– Па, па, пошли домой! – только успела произнести она и заметила, что он холодный и не дышит.

Ее родной человек, лучший друг, который только что шутил и боялся маму, – больше никогда не обнимет ее, не поцелует и не прочтет ее мысли.

– Па-а-а-па! – закричала она и сорвала голос. – Папочка, что они с тобой сделали? Папочка, любимый мой, прости. Я их убью всех за тебя!

В этот момент два огромных здоровяка забежали в комнату, схватили Катю и волоком потянули к выходу. Они обращались к мэру и, заикаясь, оправдывались, что они не знают, как она попала в дом.

А потом были похороны. Им сказали, что мэр пригласил Цыгана в дом, чтобы тот посмотрел, что случилось с его новым телевизором-экраном, который он приобрел за границей. И что лучше отца никто не разбирается в аппаратуре и в английском языке. Что никто не может прочитать инструкцию и подключить телевизор. И что когда отец стал подключать, то его якобы случайно ударило током. Человека, который был с электричеством на ты, разбирался в сложнейших схемах и проводах, умел из ничего собрать любой телевизор и радиоприемник. Бывший любитель «Голоса Америки» и профессиональный электроинженер вдруг взялся за два провода, которые прошибли его тремя сотнями вольт. Заключение о смерти тоже было таким же.

Но мэр, конечно, все это мог подстроить, и Катя с мамой знали это лучше всех. Электричество не будет сдирать золотые часы с запястья. Кто-то содрал кожу на двух руках до костей. Гематомы и ссадины тоже не остались ими незамеченными. Он бился за свою жизнь до последнего. Это было видно. Но что они хотели узнать от отца, когда его пытали? Зачем они убили его? Эти вопросы волновали трех осиротевших женщин.

После похорон к ним в дом пришли бандиты и стали угрожать маме и ее двум дочерям. Они спрашивали, где деньги. Но никто из них, к сожалению, ни про какие деньги не слышал. Для них вообще было шоком то, что их отец был смотрящим города Ростова и весь «общак» денежный был у него.

– Где деньги? – зло цедил сквозь зубы матерый эк.

– Не знаем, – отвечали три худенькие маленькие женщины, – ищите.

Трое здоровенных мужиков перерыли весь огород, перевернули все в доме. Но Катя с мамой и младшей сестрой вообще не понимали, что происходит. О каких деньгах они говорят? Похоже, мама тоже не знала, с кем она прожила такую счастливую семейную жизнь. Семнадцать лет брака были они вместе. Кате на тот момент было всего шестнадцать лет. Она как раз сдала все экзамены на права и ждала своего восемнадцатилетия, чтобы их получить. Но по городу Ростову ездила свободно, никто ее не останавливал. Все знали, чья это дочь.

Катя сидела бледная, как будто мертвая тоже. Она уставилась в одну точку и больше ничего перед собой не видела. Перед ней в этой белой точке был нарисован жирный черный вопрос: «Как отомстить за отца?» Она плакала, рассказывала этим верзилам-мужикам, как залезла в дом к мэру, как увидела отца, которого пытали. И она им сказала, что, скорее всего, они спрашивали у него тоже про ваши грязные деньги. Но бандиты только рассмеялись и сообщили,

что никакие пытки не заставили бы Цыгана говорить. Они были уверены, что деньги взяла мать Кати. Но Катя просила лишь об одном: чтобы они отомстили мэру за отца.

– За это не переживайте, – говорили бандиты. – Вы лучше по-хорошему деньги верните. А дальше мы будем за него мстить. Это уже не ваше дело, как.

– Но мы правда не знаем ни про какие деньги, – клялась испуганная мама и требовала подтверждения слов у девочек.

– Папа всегда мне больше доверял, чем всем остальным в доме. Он мне обязательно бы сказал, где деньги, – призналась Катя. – Они точно не у нас.

– Даем вам два дня! – орала на них эки. – Если не вернете, пойдете туда же, к нему, там встретитесь и расспросите, куда он наши деньги дел.

Мама бросилась на этих отморозков с кулаками и закричала, чтобы быстрее ее с дочерьми отправляли к нему.

Катя услышала, как заскулил Мухтар.

– Пока мы собаку вашу, чтоб не выла, к нему отправим. А завтра уже вас!

Катя сквозь забытье слышала какую-то странную возню во дворе. Она даже не придала этому никакого значения. Она лишь подумала, что эти бандиты просто угрожают. Зачем им убивать Мухтара? Но когда Катя вышла из дома, то увидела повешенного на собственной цепи Мухтара, который, оскалив пасть, застыл на заборе. Катя закрыла руками лицо и побежала его снимать. Она думала, что еще сможет его реанимировать. Но у нее ничего не получалось. Катя зашла в сарай, разрыдалась, уткнулась головой в папин старый фирменный американский пиджак в яркую клетку. И так странно ей показалась, что человеческая жизнь – ничто, раз вещи хоронят своих хозяев и остаются после них. От костюма все еще пахло папой, его табаком, его одеколоном. Этот пиджак был его любимой вещью в гардеробе. Конечно, он давно вышел из моды, но в этом пиджаке папа всегда слушал «Голос Америки» и курил трубку, качаясь в старом кресле-качалке.

Катя поцеловала пиджак, потянулась за лопатой, потому что – как бы это странно ни звучало – она хотела по-человечески похоронить Мухтара, верного папиного друга, который ушел вслед за ним. Она всхлипывала, поднимая лопату с пола, а когда выпрямилась, то случайно увидела над входной дверью два пакета, замотанных скотчем. Один пакет был большой, а другой совсем маленький.

Катя не стала их трогать, а позвала маму и показала ей находку. Мама сразу же позвала бандитов. И тогда те вскрыли оба пакета. В одном все увидели очень много долларов, евро и рублей. А в другом были только рубли и записка:

«Девочки мои, тот пакет, что побольше, вы должны отдать тому, кто за ним придет и покажет вам кольцо, которое, по моему решению, должно перейти Кате, пакет поменьше я собирал для вас, чтобы вам первое время не было трудно без меня. Ваш Цыган».

Бандиты забрали все свое, а Кате с мамой отдали то, что принадлежало им. И сказали, что сегодня ночью они перевезут маму с дочками в укромное место, в город Леникан, потому что эти уроды, которые убили отца, не оставят их в покое. Они решили спрятать их в Армении. А когда перевозили их, то много чего интересного рассказали им про отца, про то, каким он был, как его все уважали за то, что он был очень справедливым человеком. Да, он был по-своему жестоким и в то же время настоящим смотрящим города Ростова и не давал спуска никому. Рассказали, что он завалил своих подельников, когда они косо на него посмотрели. Мама пребывала в шоке, когда все это слушала. Она не верила, что это говорят про ее любимого ласкового мужа, который всегда боялся ее приступов гнева. Только теперь она поняла, что он их не боялся, что он просто любил ее и жалел. А Катя, слушая все это, думала: «Этого не может быть! Мой папа, добрый и нежный хомячок (как она его любила называть), не моргнув глазом убивал бандитов, которые его разозлили». А бандиты продолжали нахваливать отца и признавались, что они вообще хотели видеть его президентом нашей страны, но не успели

его на это место короновать. Мама очень плакала и просила наказать убийц отца. Они пообещали, что за Цыгана обязательно отомстят. А Кате на палец по просьбе отца надели его кольцо с гравировкой и сказали: «Это очень хороший подарок он тебе сделал. Отец побеспокоился о тебе даже после смерти. Потому что он был – настоящим!»

Только сейчас, стоя перед этими наркоманами, Катя вспомнила все, что с нею произошло тогда в Ростове.

«В память об отце я ни копейки не дам этим тварям, – подумала Катя. – Я тоже буду по-своему жестокой, справедливой и самое главное – настоящей».

Глава 6

После того случая Катя все высказала Сергею и даже пригрозила ему, что не остановится ни перед чем, если эти отморозки хотя бы взглядом напугают детей. Сергей впервые видел такой свою жену. Он пообещал ей завязать с наркотиками. Теперь он сидел дома и никуда старался не высовываться. Он боялся, что эти уроды придут за своим оружием. Но Катя знала, что они больше не вернуться. Она не до конца понимала, что значит это кольцо для них, но то, что оно имеет какую-то силу, она знала.

Магазин у Кати процветал. Она успела закрыть кредит, отдала долг Вике, чтобы не отдавать большие проценты. И ей захотелось купить дом в ипотеку. Кате жаль было девочек, которые всю зиму спали в кровати одетые. Она призналась себе, что больше ни дня не останется в этой холодной землянке. Катя поняла одну вещь: надеяться нужно только на себя в этой жизни. Ну и, конечно же, на Леру. Потому что только в молодости имеешь настоящих друзей, а во второй половине жизни новые друзья имеют уже тебя.

Александр с Ниной косились в ее сторону: «Надо же, Катька опять на плаву. Да еще дом собирается купить».

А Катя, когда их видела, всегда вспоминала слова любимых стихов: «Для кого-то дружба тоже бизнес! Выгодная сделка без потерь! Если же итог пойдет на минус! Новый друг укажет вам на дверь!»

Лера была в магазине в тот день, когда Катя поехала за товаром на оптовый рынок. Она иногда выручала Катю и сидела в ее магазине с журналом мод в руках и ждала, когда Катя придет. Она знала, что магазин должен всегда быть открытым. Продавать она, конечно, не умела. Но сидела в магазине красиво. И если уж очень хотелось кому-нибудь купить платье, это ему с трудом, но удавалось, потому что Лера всегда говорила небрежно: «Выбрали, я рада за вас, деньги без сдачи готовьте и кладите вот сюда, на стол. Катя придет и заберет».

Когда Катя приехала с товаром, Лера встретила ее с криками. Она не могла пережить новость, что Катька переносит покупку дома на неопределенный срок.

– Ты что, подруга, сделка переноситься не будет! – кричала на подругу Лера. – Мы же нашли тебе классный дом. Так что давай, быстрее оформляй кредит. Звони моему банкиру и спроси его, может ли он тебе первой выдать кредит десятого числа. Банк открывается в девять часов, ты получаешь деньги первая, и мы идем оформлять эту покупку.

– Лера, не кричи, дело в том, что твой банкир сам позвонил и сказал, что пока с кредитом придется подождать, что-то у них там не получается, поэтому я позвонила хозяевам дома и сказала, чтобы они его продавали, так как у меня на сегодняшний день денег нет.

– Как это нет денег?! Ты же положила в этот банк все свои сбережения. Банкир лично мне обещал, что ты будешь VIP-клиентом этого банка и что в любой момент, как найдешь объект, он отдаст тебе твои деньги и еще даст кредит под маленькие проценты на оставшуюся сумму, которой тебе будет не хватать! – возмущалась Лера. – Он же все-таки мой бывший любовник! Он не должен подвести тебя. Я сейчас ему позвоню.

Катя нашла банк в городе Кисловодске. Лера познакомила ее со своим любовником-банкиром, в его банк Катя и положила все свои деньги. Он обещал дать кредит под маленькие проценты и быстро оформить ипотеку, если денег на покупку дома не хватит. Единственное условие, что деньги не должны сниматься до покупки дома и вернуться вкладчику, только когда она найдет жилой объект, который захочет приобрести. Но для того чтобы стать VIP-клиентом этого банка, нужен был первоначальный капитал. Лера уговорила, как всегда, Вику, и та с удовольствием одолжила Кате сто пятьдесят тысяч рублей. Конечно же, опять под проценты. Деньги и дружба вещи несовместимые – это все знают. Три лучшие одноклассницы-подруги из иняза – Катя, Лера и Вика – были настолько разными, что даже преподаватели удивлялись,

что у них может быть общего. Вика была помешана на деньгах. Она их постоянно копила. Лера – на мужчинах, она их коллекционировала. А Катя – на учебе. Она очень любила заниматься и занималась английским, испанским и немецким языками постоянно, углубляя изучение, как полиглот. Она даже новости и все передачи смотрела на английском языке. Читала только оригинальные версии. А любимый роман Маргарет Митчелл «Унесенные ветром» вообще довела до дыр. Эта книга помогала ей выжить в тех условиях, в которые она попадала.

Банкир был очень серьезным человеком, как показалось Кате. Он убедил ее, что она получит деньги первой.

– Вы понимаете, – сказала ему Катя. – Лера рекомендовала мне ваш банк, заверила меня, что вы очень надежный человек, и сказала мне, что вы все знаете о покупке дома. Еще она сказала, что у меня очень хорошая кредитная история и что я платежеспособна. Я хочу вам пообещать, что с моей стороны никогда не будет проблем у вас. Только помогите мне, пожалуйста, и выдайте деньги мне первой. А то дом может уйти.

– Конечно, Екатерина Васильевна. Вы не переживайте, – сказал банкир по телефону. – Тем более что кредит в Питере вам одобрили и вы получите всю причитающуюся вам сумму, – успокоил Катю банкир. – У нас головной офис находится в Санкт-Петербурге. Но я думаю, что вам не придется туда ехать. Приезжайте в Кисловодск. Здесь и получите. Я вам позвоню, когда можно будет приехать за деньгами.

И эту последнюю фразу он повторял Кате каждый день, кормя ее завтраками. Две недели он говорил Кате, что он позвонит и скажет, когда приезжать за деньгами. Но на следующий день опять говорил, что пока еще деньги на ее имя не пришли.

Катя рассказала об этом разговоре с банкиром Лере снова. А та посоветовала ей, как всегда, что лучше подстраховаться и самой поехать в Кисловодск и все выяснить на месте. И если этот банкир денег опять не даст, то отправиться в Питер, в головной офис, и там решить эту проблему, раз банк уже одобрил ей кредит. Лера опять позвонила своему бывшему ухажеру-банкиру, накричала на него и сказала, что она с дочерью Кати поедет в Питер на поезде, а Катя завтра едет к нему в Кисловодск, и если он не даст Кате денег, то она напрямик направится в головной офис, и тогда у него будут большие неприятности.

Рано утром Катя вызвала своего знакомого таксиста, который имел образование психолога и был своего рода психотерапевтом и другом Кати. Она часто с ним ездила за товаром в Пятигорск или просила его, чтобы он привозил товар сам. Она сказала ему, что девочек нужно посадить на поезд. А ей – срочно выехать в Кисловодск за кредитом. Он знал все о Катиной мечте – о собственном доме, и очень переживал за нее.

– Екатерина Васильевна, – говорил ей юноша двадцати восьми лет, – я завидую вашей энергии, таким вашим начинаниям, но почему вам не рассказать все мужу? Вдруг он одобрил бы ваше решение и помог. Все-таки вам бы легче было, а так вы вроде замужем и не замужем, все сама, все одна.

– Понимаешь, Давид, – говорила ему Катя, – у моего мужа очень непростые отношения с кредитами. Он их просто ненавидит. И очень нервничает из-за этого. Я люблю своего мужа и оберегаю его от лишних волнений. Поэтому он ничего не знает и спит спокойно. У нас в семье, если бы не мой авантюрный склад характера, вообще ничего бы не было, поверь мне. Мы бы всю жизнь прожили у бабы Тани в промерзшей хате.

– Да, верю, – сказал молодой человек и, вздыхая, добавил: – И все-таки скажите мужу, чтобы он часть забот взял на себя тоже.

– Давид, конечно, вы, южные мужчины, нас никогда не поймете. Вы – молодцы. Вы очень заботитесь о своих женах. Вот у тебя и жена, и ребенок. И им все равно, где ты возьмешь денег. Я слышу, как ты по телефону их оберегаешь. Не выходи на улицу, сейчас освобожусь, отвезу, привезу, все сделаю, что скажешь. А у нас, у русских, мужчины – слабые существа. Мы больше

привыкли все тянуть сами. Взвалили и потащили, и нам легче все сделать самим, чем о чем-то просить наших мужей, – говорила Катя, когда они ехали на вокзал.

– Все, девочки, просыпайтесь, выходите, приехали на железнодорожный вокзал, – сказала Катя, улыбаясь. – Доченька, моя любимая, – обратилась она к Настюше. – Я так хотела, чтобы в твой дебют, в твою первую поездку на поезде, я была с тобой. Но мне нужно в банк за деньгами. Я обязательно вас догоню на станции «Кавказская», если банкир не даст сегодня мне кредит.

– Лера, вот деньги, возьми. Мало ли что, – отдала Катя кошелек Лере. – Настюша, слушайся тетю Леру. Я поехала, мне нужно еще успеть в Кисловодск доехать с Давидом, а потом догнать ваш поезд.

Коммерческий банк, который рекомендовала Лера, находился в городе Кисловодске. Катя много раз туда ездила последние четыре месяца в надежде получить кредит. Но ее каждый день кормили «завтраками».

– Давид, сейчас мы проводим девочек и поедem в банк за деньгами.

Как только поезд тронулся, Кате позвонили из банка и сказали, что они ее ждут и выдадут ей кредит первой.

– Видишь, как этот банкир Леру испугался, – засмеялась Катя. – Она сказала, что подмочит ему репутацию в Питере, если я не получу кредит.

– Хорошо, если так. Как получите кредит, мы им позвоним, что все в порядке, – сказал таксист-психолог, и они продолжили свой путь за кредитом.

Глава 7

– Алексей Владимирович просил подождать, он на совещании, – сказала секретарша, своим обликом очень напоминая тюремного вида женщину.

– Хорошо, извините... скажите, вас не предупреждали, что первая кредит должна получить я? – спросила Катя, заглядывая в кабинет заместителя заведующего банком.

– Нет, никаких распоряжений не поступало на этот счет, – сказала сурово женщина и оценивающе посмотрела на Катю.

Катя ходила из стороны в сторону, волнуясь и посматривая на часы.

«Кого-то мне напоминает эта женщина. Только не могу вспомнить, кого? Где раньше я видела этого заместителя управляющего банком?! – думала Катя, вышагивая взад и вперед перед красивым новым зданием. – Ладно, потом вспомню. Да когда же он освободится?»

– Я вас очень прошу, позвоните ему. У меня же дочь в поезде с подругой, пожалуйста, позвоните, может быть, им и не стоит в Питер ехать? – попросила Катя умоляюще.

– Сейчас позвоню, – быстро добавила заместитель управляющего. – Он знает, что Лера в поезде, она ему звонила. Он пообещал, что вы будете первая получать. Мне это все не нравится.

– Мне тоже все это очень не нравится, – произнесла, задумавшись, Катя. – Уже почти полдня прошло.

«Почему мне обязательно должны встретиться странные люди? Мужчины, женщины, которые вообще не держат слово. Люди иногда ведут себя так, будто им даже не стыдно за свои поступки».

Катя была вкладчиком этого банка. Лера уговорила ее положить туда все свои накопления и не брать проценты с них. Она ее убедила, что ипотеку они оформляют своим клиентам под очень маленькие проценты. Поэтому Кате было непонятно, как они могут так относиться к своим вкладчикам. Да и еще мужчины, когда не держат слово, как ее муж Сергей и ему подобные, – это вообще нонсенс. Она знала только одного настоящего мужчину. Это был ее отец. Катя думала, что все мужчины должны быть такими, как он. Она даже не предполагала, что в жизни таких мужчин не бывает. Во всяком случае, ей пока не попадались такие мужчины, за чьей спиной можно было бы спрятаться. Это вообще страшно, когда мужчины похожи на капризных болтливых женщин. Этаким здоровенный детина, вдруг начинает ныть, жаловаться на болячки и целыми днями болтать по телефону со своими друзьями. Или, еще хуже, прихорашиваться перед зеркалом по нескольку часов, как барышня, зализывая себя гелем для волос и оставляя после себя шлейф дорогого одеколона. А если его попросить вбить в стену гвоздь, так он столько придумает отговорок: что молоток тяжелый, гвоздь кривой, стена бетонная, – и в конце концов вместо гвоздя прибивает себе палец и будет целый месяц ныть, что он у него болит. Вот таким был ее муж Сергей. А сколько раз он обещал ей больше никогда не брать в рот спиртного и не употреблять эту заразу – наркотики. Сколько слез Катя выплакала, когда просила его остановиться. Но мужчины в последнее время стали очень слабыми существами, превратившимися в болтливых баб. А сколько среди них мошенников?! И если этот банкир мошенник, то почему он не боится жить? Ведь это очень страшный грех. Мошенничество – это, скорее всего, психическое заболевание. Человек испытывает что-то вроде оргазма, когда обманывает другого человека.

И самое страшное, что мошенники никогда не бывают богаты долго. У них Бог забирает очень быстро все, что они приобрели от своих мошеннических операций, только в десятикратном размере.

Самое страшное то, что у них, у мошенников, отбирают в первую очередь самых близких людей. Если провести анализ жизни мошенников, то отчетливо просматривается такая

тенденция: у них умирают рано родные, они теряют своих детей, внуков и умирают в страшных муках от рака желудка. Но, даже догадываясь об этом, они все равно не могут удержаться, чтобы кого-нибудь не обмануть.

«Бог просто так фигуры и лица не выдает, – думала Катя, глядя на заместителя банкира. – Так кого же она мне напоминает? Господи, так это же бывший методист нашего иняза, Сима Иосифовна. Это же Лерин враг, та самая женщина, которая не хотела давать ей диплом и которая послала ее все-таки на пересдачу экзамена. Все-таки ее уволили из института за взятки», – подумала Катя и поняла, что кредит она теперь точно не получит. Катя не знала, что Сима Иосифовна и здесь была на своем месте. Она легко втиралась в доверие людей. И в большой команде мошенников выполняла самую безобидную роль: занимала деньги, якобы вносила их вместе со всеми клиентами в банк, а потом изображала такую же обиженную жертву, которая не может получить кредит тоже. Изучая повадки обманутых клиентов, при первой угрозе сообщала: «лох» выходит из-под контроля! И поэтому так быстро продвинулась по служебной лестнице и стала заместителем управляющего банка.

Катя внимательно рассматривала Симу Иосифовну. Да, годы никого не красят. Тем более мошенников. Они похожи на этаких изжеванных жизнью дам с массой косметических процедур на лице, которые превращают их в подобие обезьян. Но они же себя со стороны не видят. И эти накачанные губы, и подтянутые скулы, и мертвецкий татуаж. Ужас!

«Играть так бездарно непростительно мошеннице со стажем в таком возрасте. И очень жаль ее детей. Если они у нее, конечно, есть. Обычно Бог не дает им детей и дарит бездетность нескольким поколениям, идущим после такой прабабки», – думала Катя, глядя на бывшего методиста иняза.

Прошло шесть часов ожидания. Катины раздумья прервал голос подошедшего банкира. – Здравствуйте, заждались меня? – улыбаясь, спросил Алексей Владимирович.

Он был невысокого роста, маленькие черные глазки-пуговички постоянно бегали, кожа на лице была испещрена оспинами. Но дорогой костюм и обувь тщательно скрывали мелкую, постоянно врущую душонку. Алексей Владимирович был кандидатом наук, преподавал в одном престижном университете. Он был депутатом. Но начинал свою трудовую деятельность с посудомойщика. Это была единственная чистая в его жизни работа!

– Извините, сами понимаете, я весь в делах, Екатерина Васильевна. Дело в том, что деньги не поступили на ваш счет, но вы можете смело ехать в Питер и не переживать. У нас там головной офис. Поэтому получите деньги там. Лера меня предупреждала, что они уже в поезде с вашей дочерью. Не переживайте, я вам позвоню, ждите от меня следующих рекомендаций. У вас же с собой договор вклада? В головном офисе есть ваш расчетный счет. Как приедете, сразу свяжитесь со мной, и я скажу, в каком филиале вы получите деньги. Не переживайте, счастливого пути.

– Давид, нам нужно срочно ехать догонять поезд. На станции «Кавказская» я уже точно их не догоню, придется ехать дальше.

– Екатерина Васильевна, при всем уважении к вам, мне таксисты сказали, что поезд мы уже точно не догоним. Уже три часа дня. Давайте попробуем на самолет.

– Давид, у меня нет денег на самолет. Я все деньги отдала Лере и Настеньке. У нас один выход: догонять поезд.

Машина чувствовала своих пассажиров и неслась на всей скорости, какой могла.

– Так, Екатерина Васильевна, мы должны опередить время. Теперь слушайте меня, – сказал Давид. – Ничего они вам не дадут. Это точно мошенники. Звоните дочери и подруге, пусть выйдут на следующей станции. А мы их заберем.

– Нет, Давид, мы догоним поезд, потому что я в любом случае не хочу прерывать первое путешествие Настюши на поезде, – это во-первых, а во-вторых, мы поедем в Питер, потому что

я должна хотя бы забрать свои деньги, которые вложила в этот банк. А в-третьих, когда еще будет такая возможность побывать в Питере?! Так что вперед! А Бог нам обязательно поможет!

Ночь приближалась стремительно, скоростная трасса за Ростовом была очень загружена. КамАЗы неслись навстречу один за другим на огромной скорости. Машина, казалось, понимала ситуацию как никогда и обгоняла все машины, следующие в ленинградском направлении. Катя молча молилась и просила об одном: «Господи! Помоги мне догнать поезд! Господи, помоги, я образумлюсь, – молилась про себя она, – я буду спокойней. Я понимаю, что слишком много взвалила на себя. Но я до сих пор не верю в плохих людей. Я оправдываю мошенников. Я переживаю за их отвратительные поступки. Мне жаль, что у Симы Иосифовны умерли все родственники, что нет детей и внуков, как она мне рассказала, когда вспомнила меня и подошла поболтать со мной. Опять подтвердилась та версия, что у мошенников несколько поколений остаются без детей и родственников. Господи, я приму все, что со мной будет происходить, как очередной жизненный урок. Я поняла, что ничего не могу без тебя. Прости! Я уже чувствую, что у меня происходит переоценка ценностей. Когда я уже научусь разбираться в людях? Когда я буду осторожна в общении? Откуда свалился на мою голову этот банкир, лучше бы я выбрала другой банк. И нужно было такому случиться, что у меня снова неприятности?» – вздыхала Катя, глядя в пугающую темноту ночи...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.